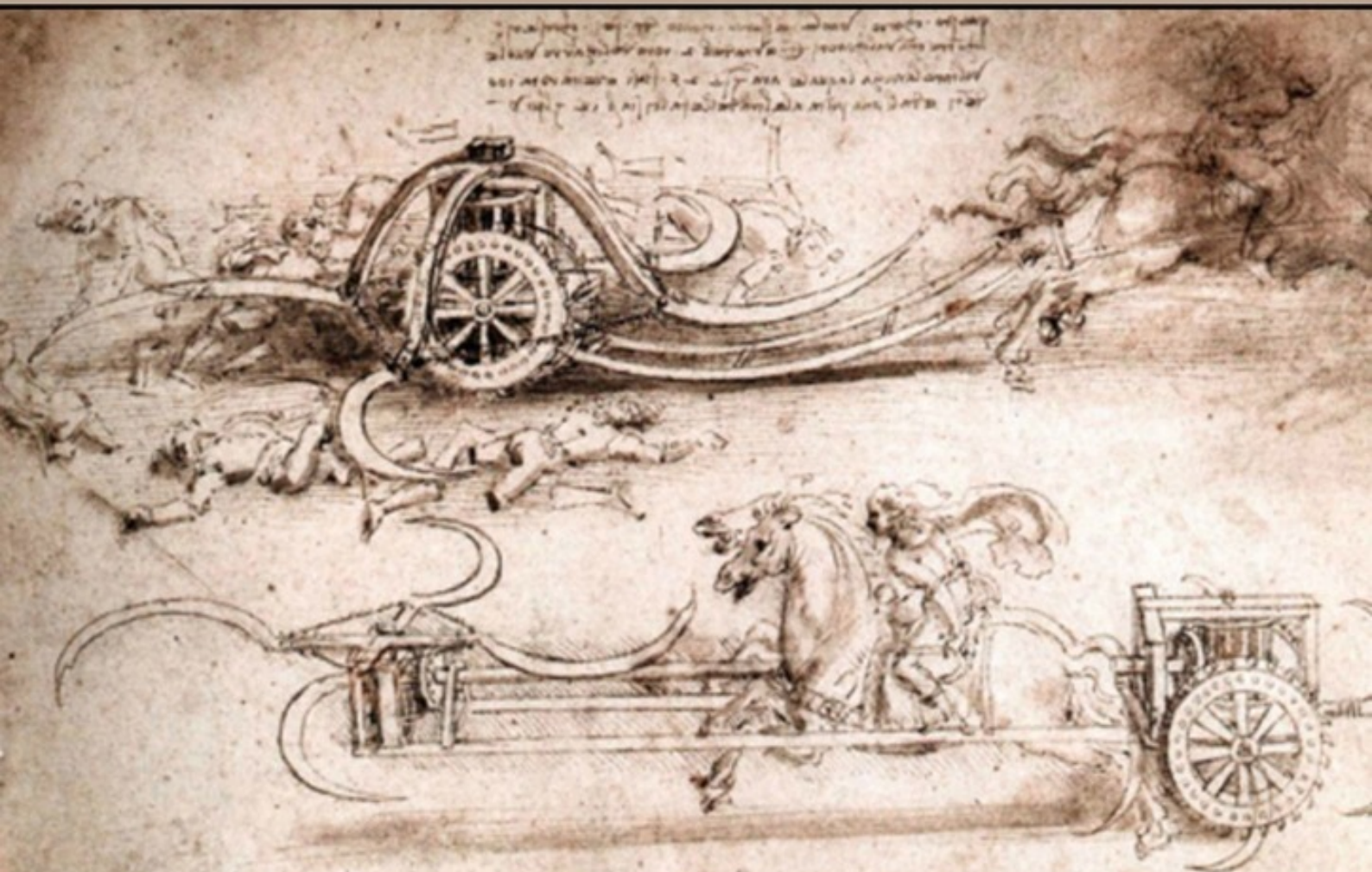

Татьяна Югай

Адская машина принуждения к свободе

Татьяна Югай

**Адская машина
принуждения к свободе**

«Издательские решения»

Югай Т. А.

Адская машина принуждения к свободе / Т. А. Югай —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-510144-0

Книга представляет интерес не только для узких специалистов в области политических, экономических и военных наук, аспирантов и студентов, но и для широкого круга читателей, которые интересуются вопросами современной политики и экономики.

ISBN 978-5-00-510144-0

© Югай Т. А.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие научного редактора	6
Введение	7
Часть 1. Заметки на полях культовых книг	10
1. Аксиома, требующая доказательства	10
1.1. Перечитывая Гайдара...	11
1.2. «Чикагские мальчики» и гарвардская гвардия	18
2. Властелины Вселенной или волшебники страны Оз?	29
2.1. Монпелеринские мудрецы	30
2.2. Австрийская школа в изгнании	34
2.3. Дискуссия об экономическом расчете в социалистической экономике	39
2.4. Дорога к рабству: туда и обратно	47
2.5. Русофобская ветвь неолиберализма	56
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Адская машина принуждения к свободе

Татьяна Александровна Югай

*Посвящается светлой памяти
отца Югай Александра Фомича
и матери Тен Анны Борисовны*

Иллюстратор Леонардо да Винчи
Редактор Сергей Филиппович Викулов

© Татьяна Александровна Югай, 2020
© Леонардо да Винчи, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-0051-0144-0
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие научного редактора

Прошедший век для мира и России был необычайно трудным: войны, революции, реформы. Машина «перестройки», запущенная М.С.Горбачевым и раскрученная Б.Н.Ельциным, привела к распаду СССР и развалу экономики. Более десяти лет шло управляемое извне «демократическое» преобразование общества. Страна потеряла суверенитет, экономика становилась всё более «рыночной». Главным рычагом преобразований стала смена форм собственности, передача государственных предприятий в частные руки путем грабительской приватизации, которую возглавляли Е. Гайдар и А. Чубайс под фальшивым флагом якобы борьбы с коммунизмом и при активном методическом руководстве американских советников.

Автор книги [Татьяна Александровна Югай](#) была свидетелем этих процессов. Она прошла большую школу экономической подготовки и работы в органах управления государством. В её активе защита кандидатской и докторской степени в Институте экономики РАН. Т.А.Югай – доктор экономических наук, Государственный советник Российской Федерации III класса. Работала начальником отдела социальных проблем в Администрации Президента Российской Федерации, советником в Аппарате Совета Безопасности России.

Она имеет большой опыт научной и преподавательской работы. В 1977—1993 гг. работала в научно-исследовательских институтах Академии наук СССР и РАН. В 2005—2018 гг. работала профессором в ряде московских университетов. Т.А.Югай входит в число учредителей Академии проблем военной экономики и финансов.

В 2018 году издала книгу [«Размышления женщины о геополитике»](#), где собраны статьи, опубликованные за последние 10 лет в российских и зарубежных научных изданиях, включённых в Перечень ВАК. В свободное время она путешествует по Италии и другим странам Европы. Пишет о своих впечатлениях в блоге «Итальянские прогулки».

Книга «Адская машина принуждения к свободе» представляет интерес для специалистов в области политических, экономических и военных наук и для широкого круга читателей, которые интересуются вопросами современной политики и экономики российского государства.

Викулов Сергей Филиппович
Президент Академии проблем военной экономики и финансов
Заслуженный деятель науки Российской Федерации
доктор экономических наук, профессор

Введение

История этой книги началась три года назад в январе 2017 года, когда я работала над статьей «Антикоррупционные» сценарии гибридной войны» [58, с.39—65]. В этой связи я заинтересовалась громкими антикоррупционными судебными процессами *Mani pulite* (Чистые руки), которые сотрясли итальянский истеблишмент в начале 1990-х гг. и привели к мягкой смене режима в стране. Через полгода после начала процессов политический ландшафт страны драматически изменился; со сцены навсегда сошли пять партий парламентского большинства. Когда я начала раскручивать этот клубок, то ниточка привела меня к интересному открытию: почти одновременно со сменой режима в Италии начались масштабные приватизации государственных корпораций. Об этом я пишу в последней главе книги. Меня поразило то, что «судебный путч» и приватизация в Италии буквально совпали по времени с распадом СССР и неолиберальными реформами в России. Все эти годы я считала, что российские реформы являлись уникальным и роковым стечением обстоятельств, предательства, безграмотности и жадности. Оказалось, что мы не были одиноки в этом мире и запросто вписались в глобальный тренд.

Идея провести сравнительный анализ приватизации в России и Италии напрашивалась сама собой. Я приступила к написанию очередной статьи. Дело оставалось за малым – найти теоретическое обоснование необходимости приватизации в столь разных странах – государственно-капиталистической Италии и постсоветской России. Однако миссия казалась невыполнимой. Чем больше я погружалась в неолиберальные дебри, тем больше становилось ясно, что за пропагандистскими лозунгами и красивыми сказками скрывается зияющая теоретическая пустота.

Вполне естественно, что первым делом я обратилась к трудам Гайдара, главного исполнителя и пропагандиста неолиберальных реформ в нашей стране. Конечно, я читала его публикации и раньше, слушала выступления на семинарах и конференциях, когда он еще работал в журнале «Коммунист» ЦК КПСС, но тогда свято верила тому, что он говорил. Я снова достала его книги из дальнего угла, однако, 20 лет спустя они меня разочаровали некритичным перепевом расхожих идей западных неолибералов и русофобов и полным отсутствием сколь-нибудь внятной программы реформ. Кроме мантры о неэффективности государственной и превосходстве частной собственности я ничего не нашла. При этом Гайдар и иже с ним считали, что это – аксиома, не требующая доказательств, видимо потому, что не могли, как ни силились, ее доказать. Получается, *Credo quia absurdum* (Верую, ибо абсурдно). Именно поэтому, как Фома неверующий, я пустилась в странствие в поисках истины, чтобы найти доказательство или опровержение неолиберального символа веры.

Далее логично было перечитать статьи гарвардской профессуры типа А. Аслунда и Дж. Сакса, выступавших советниками младореформаторов. Однако и они были безнадежно вторичны. Пришлось обратиться к трудам отцов-основателей неолиберализма. Австрийцы в изгнании Л. Мизес и, особенно, поздний Ф. Хайек были более оригинальны, однако, и они упорно скрывали доказательство теоремы об эффективном частном собственнике. М. Фридмана я в свое время изучила досконально и поэтому заранее знала, что не найду в его книгах ответа на этот вопрос.

Поскольку неолиберализм претендует на наследие по прямой от Адама Смита, вполне естественно было вернуться к старым добрым классикам. Прародителя политической экономии я в бытность преподавателем экономической теории изучила основательно, но вот только запамятовала, где он говорил о том, что частная собственность априорно эффективнее государственной. Оказалось, что нигде. Да и невидимая рука оказалась сильно гипертрофированной неолибералами. С огромным наслаждением читала произведения Т. Гоббса и Дж. Милля, как толстый английский роман, и дала себе слово неторопливо перечитать на досуге.

Оставалась последняя надежда на неоинституционализм, поскольку неолиберализм за неимением собственных оригинальных идей позаимствовал у них отдельные термины. При повторном чтении Р. Коуз и Д. Норт не разочаровали, при этом выяснилось, что они довольно критически относились к неолиберализму. Более того, Норт предупреждал в Нобелевской лекции, что приватизация не является панацеей. Однако их эпигоны-неоинституционалисты скрестились с неолиберализмом. Именно у неоинституционализма гарвардские и российские теоретики либеральных реформ позаимствовали экзотические термины, такие как «пучки прав собственности» и «рентоискательство». Позднее эти сомнительные в теоретическом плане обывательские рассуждения о продажности и коррумпированности политиков легли в основу пропаганды неолиберальных реформ.

В завершение нелиберального квеста рассматриваются микроконцепты «Вашингтонский консенсус» Дж. Уильямсона и «Трагедия общинных ресурсов» Дж. Хардина. Я называю подобный жанр мини-концептами потому, что, во-первых, их научная составляющая близка к нулю. Во-вторых, они действительно минимальны по объему, хотя и обладают термоядерной разрушительной силой. В этом смысле их можно уподобить боевым ударным дронам.

Сухой остаток от годового погружения в историю экономической мысли и подчас недомыслия оказался крайне скудным. У неолиберализма отсутствует научное обоснование необходимости приватизации, а мантра об эффективном частном собственнике оказалась лишь ритуальным камланием шаманов. Однако время не было потрачено зря потому, что отрицательный результат – тоже результат. Попутно я выяснила, что неолиберализм не имеет ничего общего с классическим экономическим и политическим либерализмом, хотя неолибералы любят ссылаться на родство с ними, как дети лейтенанта Шмидта. Кстати, такое же путешествие вглубь истории экономической мысли и примерно таким же результатом проделал М. Хадсон, который описал его в книге «Убить хозяина: как финансовые паразиты и долговая кабала разрушают мировую экономику».

В ходе исторического расследования мой первоначальный вопрос, так и оставшийся не отвеченным, трансформировался в новую проблему. Как доктрине, настолько слабой методологически и несостоятельной теоретически удалось реформировать весь мир по своему образу и подобию, т.е. повернуть вспять к дикому капитализму?

С самого начала было ясно, что в России неолиберальные реформы внедрялись при поддержке международных финансовых институтов (МФИ), а именно, Международного валютного фонда и Всемирного банка. Вместе с тем их роль была не столь очевидной, поскольку на переднем плане активно и шумно выступали наши доморожденные реформаторы. С годами стало понятно, что «чикагские мальчики» были всего лишь статистами, хотя и воображали себя вершителями истории, а главными действующими лицами были Бреттон-Вудские близнецы и их дядя Сэм. Однако мне не была до конца понятна сама технология насаждения неолиберальных реформ. Для того, чтобы ответить на этот вопрос понадобилось обратиться к концепциям политических социологов, в частности, теориям диффузии неолиберализма и концепции расползания миссии международных финансовых институтов. Ключевыми механизмами силового продвижения неолиберальных реформ на штыках МФИ являются практика обусловленного кредитования (стальной кулак), а также генерирование и распространение гегемонистского знания (бархатная перчатка). Во второй части книги подробно рассматриваются сложная и изощренная технология обусловленности кредитов МФИ и производство ведомственного знания.

В заключение на новом витке спирали, вооружившись знанием поваренных книг и внутренней кухни неолиберализма, я возвратилась к исходному пункту исследования или, вернее, расследования – приватизации в России и Италии. Анализ официальных документов и фактов недвусмысленно свидетельствует о полной несостоятельности мифа об эффективном частном собственнике.

Москва, июнь 2020 года

Часть 1. Заметки на полях культовых книг

1. Аксиома, требующая доказательства

«...В тысячелетнем и огромном доме нашем случилась великая смерть, и дом был теперь растворен, раскрыт настежь и полон несметной праздной толпой, для которой уже не стало ничего святого и запретного ни в каком из его покоев. И среди этой толпы носились наследники покойника, шальные от забот, распоряжений».

Иван Бунин, «Окаянные дни» (1926)

В 1990-е годы мировую экономику накрывали большие и малые волны приватизации, а на Россию обрушился девятый вал. За четверть века появилась обширная литература об этом феномене. Предпринятые попытки теоретического обоснования были довольно однобокими поскольку, во-первых, осуществлялись западными, в основном, американскими учеными и, во-вторых, все эти исследователи принадлежали к неолиберальному направлению экономической теории. Этому экономическому мейнстриму противостояли критики процесса приватизации, принадлежащие к умеренно либеральному, кейнсианскому, институциональному и марксистскому направлениям. Однако подлинной научной дискуссии не получилось, поскольку представители разных экономических школ с порога отвергали противоречащие их взглядам теории, не вдаваясь в детали. В итоге получилось нечто наподобие экономической вавилонской башни. В целях обеспечения методологической чистоты исследования представляется целесообразным проанализировать основные просчеты либеральной теории в ее собственных рамках.

Анализ трудов, посвященных приватизации, обнаружил фундаментальные методологические изъяны. Во-первых, отсутствие добротной теории приватизации, разработанной в лучших традициях политической экономии и опирающейся на фундамент классических или, в крайнем случае, неоклассических теорий. Подавляющее большинство исследований носит прикладной характер, т.е. анализирует приватизацию, как составную часть экономических реформ. Получается, что теория обслуживает потребности практики. Как отмечает Стивен Роузфилд, «необходимо прямо заявить, что не существует научной теории о том, как эффективно превратить командную экономику в хорошо функционирующую конкурентную рыночную систему. Теоретики не могут даже продемонстрировать необходимость общего равновесия в производственном секторе в условиях совершенной конкуренции, поэтому нет никаких оснований полагать, что радикальные реформы Егора Гайдара и Анатолия Чубайса должны были привести к хорошим результатам. Принятая ими политика, часто называемая „шоковой терапией“, была аналогична извлечению контрольных стержней из ядерного реактора и утверждала, что последующая цепная реакция создаст лучшую энергетическую систему» [228].

Питер Рапленд в статье «Неолиберализм и российский переходный период» пишет с издевкой. «В любом случае, даже в рамках западной неолиберальной парадигмы не было стандартной теории о том, как превратить всю государственную экономику в конкурентную рыночную систему. До этого неолиберальная теория просто занималась проблемой сворачивания правительства в уже сложившейся рыночной экономике. Таким образом, идеологи транзитологии работали „без карты“. Они должны были выпрашивать и заимствовать идеи из любого опыта, который выглядел релевантным. Многие из теоретических „принципов“, формировавших политику, были изобретены в одночасье, и реальная практика сразу же отклонилась от модели» [209, с.337]. Один из главных действующих лиц российской перестройки Андерс

Аслунд откровенно пишет: «Чубайс начал свою деятельность в качестве министра практически с нуля, не имея ни аппарата, ни стратегии» [39, с.281].

В канун либеральных реформ младореформаторы и их кураторы постоянно повторяли мантру: «Частный собственник эффективнее государства». На этой априорной предпосылке зиждилось обоснование необходимости приватизации. В то время в российской прессе и на телевидении велись оживленные дебаты о темпах, формах и методах, объектах и масштабах «разгосударствления» российской экономики. Создавалась видимость широкой общественной дискуссии, в пылу которой за кадром оставался вопрос о доказательной базе гипотезы о более высокой эффективности частной собственности по сравнению с государственной.

Каюсь, не задавалась этим вопросом и я, хотя в те годы только что защитила докторскую диссертацию по политической экономии и, более того, служила главным аналитиком в Аналитическом центре при Администрации Президента РФ. Тогда я и мои коллеги во многом принимали на веру посыл об эффективности частной собственности, который озвучивали члены команды Гайдара и близкие им по духу авторитетные российские ученые. К тому же напряженные рабочие будни оставляли мало времени для научного осмысления происходящего. Что, в конечном счете, служит слабым оправданием моего интеллектуального ослепления.

Когда по происшествии четверти века я задумала написать статью о приватизации в России и Италии, мне не удалось найти в работах наших главных отечественных приватизаторов сколь-нибудь удовлетворительного обоснования экономического превосходства частной собственности над государственной. Более того, совершенно отсутствовала методологическая база для исследования этого феномена. Даже научных определений самой приватизации не обнаружилось. Не веря собственным глазам, я перечитала все основные труды Гайдара со товарищи по данной тематике. Результат был удручающим в научном и чисто человеческом плане, поскольку главных героев-злодеев я знала не понаслышке.

Сразу оговорюсь, что не ставлю себе задачу очередного подведения итогов либеральных реформ или разоблачения главных действующих лиц. Этому посвящен огромный пласт отечественной и зарубежной научной и публицистической литературы. Моя цель более скромная и конкретная. А именно – верифицировать, т.е. опровергнуть или найти доказательства справедливости основной аксиомы приватизации об эффективном частном собственнике.

Труды Гайдара, Чубайса, членов их кабинета и западных советников можно условно отнести к двум этапам: 1) Написанные во время проведения процесса приватизации под их непосредственным руководством и по вполне понятным причинам носившие агитационный характер. 2) Опубликованные после отхода от «славных дел», когда началось осмысление произошедшего в духе самооправдания и обвинения политических противников, а также русского народа, из-за которых грандиозный план не был полностью и правильно реализован. К этому периоду можно отнести и публикации сотрудников Института им. Гайдара (ИЭП), Высшей школы экономики и др.

1.1. Перечитывая Гайдара...

*Да, скифы – мы! Да, азиаты – мы
С раскосыми и жадными очами!
Для вас – века, для нас – единый час.
Мы, как послушные холопы,
Держали щит меж двух враждебных рас
Монголов и Европы!
Александр Блок, «Скифы» (1918)*

Во время чтения книг Гайдара у меня в голове крутились три первые строки, и читатель позже поймет почему. Сам же он взял в качестве эпитафии три последние. Символично воссоединить их здесь.

На мой взгляд, наиболее полно, откровенно и цинично Гайдар высказал свою позицию в книге «Государство и эволюция», написанной в августе-сентябре 1994 г. и впервые опубликованной в 1997 году. Книга писалась по горячим следам после его второго хождения во власть в сентябре 1993 – январе 1994 г. в качестве исполняющего обязанности Министра экономики РФ. Забегая вперед скажу, что и в этой научно-популярной публикации Гайдар не дал убедительного теоретического обоснования необходимости приватизации. Вместе с тем здесь в концентрированном виде представлены основные постулаты антигосударственной (в буквальном смысле) концепции автора российских либеральных реформ. В известном смысле книга носит программный характер и позволяет понять идеологию и мотивацию российского неолиберализма. При этом автор рассматривает Россию в неолиберальную лупу, которая искажает историю страны и преувеличивает недостатки, а на Запад смотрит сквозь уменьшительные линзы, которые превращают его противоречия и пороки в милые, как у любимой женщины, несовершенства. Учитывая данное обстоятельство, я остановлюсь на содержании этой книги более подробно.

Основные постулаты книги:

1) Важнейшая для России историческая дилемма может рассматриваться как традиционное противопоставление «Восток – Запад» [9, с.12].

2) «становой хребет европейской цивилизации – пронесенное через века, воспитанное веками убеждение в легитимности частной собственности («священное право частной собственности») [9, с.19, 31].

3) Для России характерны признаки «азиатского способа производства», по Марксу. «Отсутствие полноценной частной собственности, нераздельность собственности и административной власти при несомненном доминировании последней, властные отношения как всеобщий эквивалент, как мера любых социальных отношений, экономическое и политическое господство бюрократии (часто принимающее деспотические формы) – вот определяющие черты восточных обществ» [9, с.12—13].

4) Традиционный, отсталый Восток обречен веками догонять прогрессивный Запад. Таким образом, косному и регрессивному Востоку противопоставляется передовой Запад.

Рассмотрим эти тезисы. Начнем с такой экзотики, как «азиатский способ производства». Это понятие встречается в ранних трудах Карла Маркса, в частности, «Экономические рукописи 1857—1859 годов» [29]. В предисловии к «Критике политической экономии» Маркс писал: «азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить, как прогрессивные эпохи экономической общественной формации» [28, с.7]. Научное сообщество неоднократно обращалось и возвращалось к толкованию и осмыслению этого высказывания. Наиболее оживленные дискуссии между советскими учеными – сторонниками и противниками концепции азиатского способа производства, как такового, имели место в конце 1920-х – начале 1930-х гг. и в 1960 —1970 гг. Как справедливо отмечает Вячеслав Волков, «самая загадочная тема в теоретическом наследии К. Маркса – азиатский способ производства. Прошедшие дискуссии смогли восстановить аутентичный взгляд классика на данную проблему, но не привели к единому мнению на существование рассмотренного К. Марксом феномена в истории» [6].

Масло в огонь подлила оригинальная «теория гидравлического государства», выдвинутая Карлом Виттфогелем. Согласно этой концепции, ирригационный способ земледелия приводит к развитию бюрократии и, как следствие, к усилению авторитаризма; возникает восточная деспотия, или «гидравлическое государство» (hydraulic state)» [11]. Примерами гидравлических обществ, по Виттфогелю, являются Древний Египет, царство Цинь в Китае, Асси-

рия, города-государства Нижней Месопотамии, государства Древней Мексики и т. д. [262, с.166].

Примечательно, что Виттфогель включил в эту сложную классификацию Киевскую Русь и послемонгольскую Россию, хотя в Древней Руси строительство гигантских ирригационных сооружений не практиковалось. Дело в том, что книга известного историка-китаиста Виттфогеля является не только научным, но и политическим проектом. В молодости он был сторонником марксизма, а в зрелые годы переквалифицировался в убежденного антикоммуниста. Вот уж поистине – от любви до ненависти один шаг! В главе 9 «Взлет и падение теории азиатского способа производства», он подробно анализирует взгляды Маркса, Энгельса и Ленина, а в заключительной главе делает на этой основе вывод о том, что СССР – это «азиатская реставрация России». Во-первых, революция 1917 года была возвращением старого азиатского наследия в новом обличье. Во-вторых, описанное в работах классиков марксизма-ленинизма социалистическое общество имеет большое сходство с моделью азиатского способа производства [262, с.372—398, 438—440].

Следует отметить, что исследования азиатского способа производства в нашей стране и за рубежом осуществлялись, в основном, историками-востоковедами. Одним из немногих экономистов, который довольно последовательно изучал эту тематику, является Руستم Нуреев. По вполне понятным причинам, до перестройки Нуреев в своих публикациях строго придерживался марксистских взглядов [35, 36]. В 2007 году он чувствует себя более свободным и интерпретирует азиатский способ производства с позиций неонституционализма. В совместной статье с Юрием Латовым он полемизирует с Президентом Владимиром Путиным, который, по их мнению, «видит путь к устойчивому экономическому росту в централизации государственной власти». В рамках этого заочного спора, в духе соревнования Эллочки-людоедочки с Вандербильдихой, они рассматривают «институциональный генотип» российского общества и, в частности, анализируют такой базовый институт командной экономики («восточного деспотизма») как власть – собственность». Опираясь на концепцию Виттфогеля, они интерпретируют развитие российской цивилизации, «как конкуренцию двух институциональных систем («институциональных матриц») – власть-собственность contra частная собственность».

По их мнению, «радикальные экономические реформы в России, став закономерным результатом упадка командной экономики советского типа, не прервали существование институтов власти – собственности, а трансформировали их». Авторы беспокоит вопрос о том, не произойдет ли снова откат к азиатчине? Они пишут: «Констатация сохранения и даже усиления институтов власти-собственности заставляет задуматься о степени необратимости радикальных рыночных реформ 1990-х гг. Ведь история стран Востока знает немало периодов временного усиления институтов частной собственности („феодализации“). Однако в восточных обществах приватизация всегда выступала как временный отход от генеральной линии развития, как подготовка нового витка централизации в соответствии с циклом власти-собственности. Не ждет ли и Россию аналогичная реставрация?» [37].

Не обошел своим вниманием азиатский способ производства и Михаил Восленский, автор культовой книги «Номенклатура», в которой он довольно поверхностно воспроизводит концепцию Виттфогеля [8, с.620]. При этом Восленский дополняет и исправляет Виттфогеля. «Логика приводимого Виттфогелем материала сама подталкивает к выводу: „азиатский способ производства“ возникал не только в обществах с ирригационным сельским хозяйством, это лишь частный случай. Общая же закономерность состоит в том, что тотальное огосударствление применяется для решения задач, требующих мобилизации всех сил общества». После такой корректировки ему уже нетрудно прийти к широкому обобщению: «...метод тотального огосударствления может быть применен всюду, где есть государство, значит, и в наши дни.

А не может ли быть, что реальный социализм и есть „азиатский способ производства“, обособившийся в XX веке?» [8, с.623].

Новейшей версией теории гидравлического государства является термин «бензиновое государство» в интерпретации Андрея Рябова, главного редактора журнала «Мировая экономика и международные отношения» ИМЭМО РАН. «В самом общем смысле «бензиновое государство» предполагает критическую зависимость экономики страны от добычи и экспорта нефти... Российская Федерация прочно интегрировалась в современный мировой порядок как поставщик важнейших полезных ископаемых, прежде всего, энергетических ресурсов для индустриальных и быстро индустриализирующихся государств. И от выполнения ею этой роли в решающей степени зависит устойчивость внутреннего и международного положения страны» [45]. Прискорбно, но факт. Однако важно, как поворачивает этот общепризнанный факт Рябов. Он утверждает, что «бензиновое государство» – это не только упомянутая выше экономическая модель, государственный механизм, оберегающий и укрепляющий эту модель, но и организованная определенным образом система общественных отношений, иерархия социальных групп». Уже ближе к Виттфогелю и его гидравлическому государству!

При этом, по Рябову, «„бензиновое государство“ в его нынешнем состоянии не может быть социальным, сбалансированным, учитывающим интересы большинства населения. Таким, каким являются государства в развитых странах мира». А теперь похоже на стенания Нуреева-Латова. «Для „бензинового государства“ реформы – это не средство перехода к более высоким формам социальной и экономической организации общества, а, прежде всего, инструмент оптимизации существующей системы, избавления ее от всего лишнего, обременяющего». И совсем уже интересно о приватизации природных ресурсов. «Что же касается формы собственности на глобальные ресурсы, то относительно перспектив „бензинового государства“ этот вопрос не имеет принципиального значения. Поскольку очевидно, что правящая элита согласится на масштабную приватизацию ведущих нефтяных и газовых компаний лишь при условии, что по завершении этого процесса контрольные пакеты акций этих корпораций останутся в ее руках» [45].

Следует отметить идеологическую направленность, которую в последние годы приобрели дискуссии по этой проблематике. Андрей Колганов справедливо отмечает: «Важную роль в распространении концепции „власти-собственности“ сыграла, вероятно, идеологическая мода рубежа 1980-1990-х годов, когда широкую популярность получили любые идеи, позволявшие негативно оценивать социалистическую систему... На базе этой концепции гипертрофированная роль бюрократии в экономической системе советского типа становится поводом для отождествления социалистического строя с экономическим строем азиатских деспотий... При этом выстраивается линия преемственности между средневековой Россией, СССР и современной российской экономикой, все беды которой объясняются сохранением тяжелого наследия „власти-собственности“» [24].

После краткого экскурса в историю вопроса возвратимся к исходному постулату книги Гайдара. Вызывает недоумение вопрос, почему он взял за основу своей конструкции столь шаткую и спорную концепцию как азиатский способ производства? Почему вопреки всем законам истории поместил Россию XX века между первобытно-общинной и рабовладельческой формациями (античностью, по Марксу)? И если он действительно считал СССР и Россию настолько замшелыми реликтами цивилизации, неужели действительно рассчитывал за несколько месяцев выдернуть страну из тысячелетней отсталости, где она столь прочно, на его взгляд, укоренилась? Представляется, что ответ на эти сугубо риторические вопросы лежит в другой плоскости. Горькая правда заключается в том, что идеолог либеральных реформ намеревался демонтировать не только и не столько социализм, но и всю российскую государственность, как таковую, коль скоро вся российская история и цивилизация были неправильными, незапад-

ными, непрогрессивными, а Россия тысячелетиями блуждала в тупиковом ответвлении истории.

Характерно следующее утверждение Гайдара: «Лишь в XIX веке „Запад“ и „Восток“ по-настоящему встретились. Эта встреча показала преимущества западной системы: экспансия в самых разных формах шла с запада на восток и никогда в обратном направлении...» [9, с.18]. Если, конечно, не считать трехсотлетнее татаро-монгольское иго! Одной полуфразой Гайдар подписал приговор Востоку с его тысячелетней историей Китайской, Османской, Персидской империй, цивилизаций Индии и Ближнего Востока.

Не удивительно, что после такого заявления следует тезис о том, что «с XVI века проявилось легшее в основу всех последующих конфликтов главное обстоятельство – Россия оказалась в положении перманентно догоняющей Запад цивилизации». При этом автор нисколько не сомневается, что Россия должна непременно догонять Запад. Он рассматривает два возможных ответа на европейский вызов. «Первый: попытаться перенимать не структуры, воспроизводящие экономический рост, а только его результаты, идя при этом „своим путем“; ... используя государственные структуры для экономического скачка, для преодоления отставания». Другая стратегия заключается в том, чтобы «изменить само устройство социально-экономической системы, попытаться снять многовековые наслоения, восстановить прерванное социальное и культурное единство с Европой, перейти с „восточного“ на „западный“ путь, пусть не сразу, постепенно, но взрастить подобные европейским институты на российской почве и, опираясь на них, создать мощные стимулы к саморазвитию, инновациям, предпринимательству, интенсивному экономическому росту. Но это неизбежно означает „укоротить“ государство» [9, с.48]. Вполне понятно, что его сердцу был любезен именно второй путь, на который он безжалостно выволакивал Россию в лихих 1990-х годах.

Далее Гайдар бегло анализирует прозападные реформы Петра I, однако, и они его не устраивают. «В петровской политике обе альтернативные линии причудливо переплетаются, и все же опора на государственную силу, машину принуждения явно преобладает. Разумеется, Петру и в голову не приходило хоть в чем-то ослабить государство, но, наоборот, он стремился резко усилить его как главный инструмент для решения национальных задач. Самое яркое наглядное свидетельство характера петровских модернизационных усилий – увеличение государственного финансового гнета» [9, с.49]. А тот факт, что «слаборазвитая страна» должна была постоянно противостоять и довольно успешно агрессии столь любезного автору Запада, он даже не упоминает.

В книге «Долгое время», изданной в 2007 году или 10 лет спустя после «Государства и эволюции», оценки значительно смягчаются. Он снисходительно замечает, что Россия в XI—XIII веках «удаленная от центра европейских инноваций и потому относительно малоразвитая, была... со всей очевидностью европейской страной». Однако недовольство автора по-прежнему вызывает то, что «догоняющее развитие» испокон веков шло в неправильном русле. «Российская политическая элита хотела заимствовать не европейские институты, на которых базируются достижения Западной Европы, а военные и производственные технологии, опираясь при этом на финансовые ресурсы государства, не ограниченные ни традициями, ни представительными органами» [10, с. 260, 273—274]. Не вдаваясь в подробности, хотела бы привести только один пример, разоблачающий надуманность этой игры в догонялки, которую нам упорно хотят навязать. Именно массово копируя западные технологии, а не западные институты, Китай под руководством компартии не только догнал, но и перегнал страны семерки и уже идет вровень со США. А по некоторым показателям, таким как развитие 5G технологий, обогнал Запад.

Причина отставания Востока от Запада, согласно упрощенному схематичному подходу Гайдара кроется, конечно же, в отсутствии частной собственности. «Отсутствие традиции глубокой легитимности собственности – вот что трагически отличало Россию от Европы.

Отсутствовал, по сути, главный психологически-культурный стержень, на котором крепилось все здание европейского капитализма» [9, с.55]. Предельно упростив теорию Маркса и ее воплощение при социализме, Гайдар сводит их к примитивной схеме. «Экспроприация частной собственности – государственно-бюрократическая собственность – частно-бюрократическая. Вот формула развития социалистического общества от рождения до гибели». И отмечает далее, «В принципе мы здесь сталкиваемся с частным случаем общей проблемы всех восточных деспотий, о чем уже говорилось, – универсальным стремлением чиновников „приватизировать“ свою власть, превратить ее в собственность» [9, с.94].

Вот здесь обнажается голая и неприглядная истина. Эффективность частной собственности не при чем. Главное – скачок из неволи азиатского способа производства в царство западной свободы. Для этого нужно демонтировать государство (причем любое, не только социалистическое, но и капиталистическое, феодальное), а сделать это возможно, лишь выбив из государственной конструкции краеугольный камень – государственную собственность. Вот и получается, что приватизация – это не экономический, а политический проект. Дальнейший анализ покажет именно политическую направленность приватизации 1990-х годов в России, которая проводилась под прикрытием радикальной экономической реформы.

Дальше начинается самое интересное – идеолог и зачинатель либеральных реформ объясняет логику приватизации в России. Он постепенно готовит читателя к этому, начав с того, что «номенклатурная приватизация» в СССР началась задолго до его развала, а российская приватизация была закреплением статуса-кво. Далее, повествует он, «начались „пожарные реформы“, и была призвана команда „камикадзе“. Нас позвали в момент выбора. До этого времени номенклатурная приватизация развивалась по классическому при „азиатском способе производства“ сценарию: приватизация как тихое разграбление сатрапами своих сатрапий. В средние века этот процесс мог тянуться десятилетиями, при современных темпах хватило и трех лет (1989—1991), чтобы увидеть дно колодца. Но принципиальные черты остались те же: келейная, паразитическая приватизация без включения рыночных механизмов и смены юридических форм собственности» [9, с.127 -129].

Он видит историческую заслугу своего либерального правительства в переломе характера процесса. «Если до конца 1991 года обмен власти на собственность шел в основном по нужному номенклатуре „азиатскому“ пути, то с началом настоящих реформ (1992) этот обмен повернул на другой, рыночный путь... Открытая приватизация – поворотное историческое дело, мирный, цивилизованный эквивалент революции» [9, с.130—132].

Заключительная, самая интригующая часть книги «Государство и эволюция» посвящена авторскому видению роли государства после лишения его собственности, т.е. экономической кастрации. Он утверждает: «Если приоритет – модернизация страны, расчистка социально-экономического пространства для развития современного общества, то перечень обязанностей государства достаточно четок и локален. Государство должно... обеспечить неприкосновенность частной собственности, произвести разделение собственности и власти и перестать быть доминирующим собственником, субъектом экономических отношений в стране. Государство должно вести активную политику в области борьбы с инфляцией и стимулирования частных (в том числе иностранных) инвестиций, энергично проводить антимонопольную политику» [9, с.158].

Гайдар ставит во главу угла неприкосновенность частной собственности, а потом скороговоркой, через запятую перечисляет всё остальное. «Государство должно брать на себя заботы об экологии, образовании, здравоохранении, развитии науки, культуры, о бедных и нетрудоспособных». «Важнейшая задача государства сегодня – борьба с уличной преступностью... и с мафией, которая во многом определяет экономические процессы в стране, выкручивает невидимую руку рынка». При этом он хочет лишить государство не только собственности, но и доходов. «Государство должно ограничить и свой „рэкёт“, свои аппетиты по части нало-

гов. Это вполне достижимо, если не государство становится основным инвестором в экономику» [9, с.158].

Он считает, что «это один государственный подход. Эффективное и недорогое государство по возможностям страны, нужное, чтобы обеспечить динамичное развитие общества на пороге XXI века» [9, с.158—159]. А я бы охарактеризовала этот подход как антигосударственный. Завершает он антиутопию о государстве-дешевке оптимистически. «Если удастся „расшить“ социально-экономическое пространство, завершить либерально-демократическую эволюцию государства, тогда Россия имеет все шансы занять достойное место в цивилизации XXI века» [9, с.168]. Остается гадать, каким он видел достойное место России в западной земле обетованной? Подобно бывшей Югославии, Украине, Ливии и т.п.?

В крестовом походе неолибералов против государства имеется российская специфика. Обращает на себя внимание особая ненависть Гайдара к такой функции государства, как защита граждан от внешней агрессии. Он изображает российских правителей и советских руководителей, как параноиков, сидевших в осажденной крепости. Любой человек мало-мальски знакомый с историей России понимает, что в силу своего географического положения, обширности территории, физического рельефа местности, а главное – богатства природных ресурсов, страна всегда была вожделенным объектом для завоевателей и с Востока, и с Запада. Поэтому призыв к всеобщему и полному разоружению означает сдачу крепости без боя. Он пишет: «Гипертрофированный военный сектор – самый яркий, но отнюдь не единственный пример крупномасштабной, бессмысленной с точки зрения благосостояния людей экономической деятельности» [9, с.140—141]. Удивительно, что это пишет человек, живший в эпоху холодной войны!

Известный историк СССР и России Маршалл Голдман опубликовал в 2003 году книгу под очень характерным названием «Пиратизация России. Российская реформа идет наперекосяк». В ней он придерживается прямо противоположных взглядов на конверсию оборонной промышленности и предупреждает, что чрезмерность шоков может привести к тяжелейшим социальным последствиям. «В лучшем случае переход от военного к гражданскому производству является трудным. Если в дополнение к этому экономика также переходит от централизованного планирования к рыночной системе, то почти неизбежно будут массовая безработица и закрытие заводов. Немногие правительства, даже недемократические, могут пережить такую радикальную операцию. Русские люди известны своей способностью переносить огромные лишения и страдания, но столь резкое сокращение военных расходов и введение жестких бюджетных ограничений (без субсидий) могли вызвать массовые уличные протесты и вероятное насилие. Вряд ли это было подходящим временем для запуска других далеко идущих социальных экспериментов, таких как приватизация крупных государственных предприятий. Но такие реформаторы, как Гайдар и Чубайс, пришли к выводу, что ждать еще опаснее» [131, с.23—24]

Финал книги «Государство и эволюция» сдержанно оптимистичный. «Крушение бюрократической империи под воздействием разъедающей коррозии имущественных интересов бюрократической олигархии, приватизация власти – закономерный финал любой „восточной“ империи. Он означает конец определенного витка, цикла в ее развитии. Россия сегодня имеет уникальный шанс сменить свою социальную, экономическую, в конечном итоге историческую ориентацию, стать республикой „западного“ типа» [9, с.165—166].

Еще раз обратим внимание на то, что описывая процесс приватизации, Гайдар так и не поведал нам, в чем именно экономическое, а не политическое или историческое преимущество частной собственности над государственной. При этом он намеренно избегает дискуссий о моделях с различным соотношением частной и государственной собственности. Характерным для рыночного фундаментализма является следующее высказывание. «Социальное государство или свободный капитализм... Тема для академического спора! Ни фон Хайек, ни

лорд Кейнс не создавали свои теории применительно к номенклатурно-„азиатскому“, находящемуся под мощным криминальным воздействием государству. Сменим систему, построим хотя бы основы западного общества – вот тогда и станут актуальны эти проблемы» [9, с.166]. Вот и получилось, что сменили систему по западному лекалу, а получили бандитский капитализм. Кстати, нужно отдать им должное, Гайдар и Чубайс честно предупреждали, что сначала у нас будет бандитский капитализм, как переходная стадия к светлому западному будущему. Однако никто не подозревал, что они совершенно сознательно строили его!

Следует отметить, что демонизируя государство, Гайдар пользуется расхожими клише неинституционализма, в частности, теорий прав собственности и общественного выбора, хотя в работе эти термины не упоминаются, так же как нет ни одной ссылки на их авторов. Придется обратиться к трудам неинституционалистов в поисках неолиберального Грааля. Об этих и других теориях речь пойдет в последующих главах книги.

1.2. «Чикагские мальчики» и гарвардская гвардия

– Вы в качестве консультанта приглашены к нам, профессор? – спросил Берлиоз.

– Да, консультантом...

– А у вас какая специальность? – осведомился Берлиоз.

– Я – специалист по черной магии.

Михаил Булгаков, «Мастер и Маргарита» (1967)

В России за реформаторами прочно закрепилось коллективное прозвище «Чикагские мальчики» по аналогии с их чилийскими предшественниками. Однако наши реформаторы в Чикагском университете не обучались и учителя к ним приехали на дом. В 1990-х годах гарвардская профессура избрала нашу страну как очередной полигон для испытания неолиберальных концепций, которые они до этого уже апробировали в Чили, Боливии, Польше и далее везде. Однако они явно переоценили свои возможности и недооценили комплексность задачи, поскольку масштаб и богатство России даже после демонтажа КПСС и распада СССР никуда не делись. В самом начале реформ в Москву высадился десант из Гарварда, к которому прикнюл шведский гражданин мира Аслунд. Он вспоминает, что приехал в Москву через две недели после путча 1991 года, несколько дней провел в правительственных коридорах, пытаясь протолкнуть свои радикальные идеи, а главное трудоустроиться в качестве иностранного консультанта. Когда он, пав духом, собрался улететь восвояси, случайно встретил в аэропорту Александра Шохина, который пообещал познакомить его с Гайдаром [39, с.33].

Заокеанские гости приехали не с пустыми руками, а с домашними заготовками, т.е. расхожими концепциями либеральных реформ, разработанными в университетах Чикаго и Гарварда. Надо сказать, что к тому времени произошла очередная мутация неолиберализма, который, осознавая свою научное бесплодие, инкорпировал в себя идеи неинституционализма.

Рецептурные книги американских шеф-поваров содержали неудобоваримую смесь популярных в то время неинституциональных концепций, главным образом, теоремы Коуза (права собственности), теорий общественного выбора, рентоориентированного поведения (rent seeking) и контрактов. Именно эти концепции были буквально притянуты за уши для обоснования приватизации. Понимая невозможность доказательства гипотезы о более высокой эффективности частной собственности по сравнению с государственной на своем поле, т.е. в рамках неоклассической экономической теории, неолибералы, ничтоже сумнящиеся подменили теорию. Благо, в то время российская научная общественность находилась в шоке и не следила за руками заморских магов. Характерно то, что основные участники приватизационной драмы в России, как выяснилось позже, являлись адептами разных ветвей неинституционализма. Впоследствии они сделали блестящие академические карьеры, разъезжая по миру

с лекционными турне и публикуя ретроспективные анализы приватизации в России и других постсоциалистических странах. Здесь я рассмотрю серию трудов авторов, оказавших наибольшее влияние на концепцию программы приватизации в России.

Аслунд отстаивал необходимость ускоренной приватизации с позиции теории общественного выбора, в то время как Андрею Шлейферу была больше по душе теорема Коуза, а Джеффри Сакс теперь вовсе отрешивается от своей причастности к приватизации и даже публично покаялся. Теперь он сменил ориентацию и подвизается на ниве борьбы с бедностью под эгидой Всемирного банка.

Шлейфер и Роберт Вишны в статье «Приватизация в России: первые шаги» раскрыли свои взгляды на теоретические основы приватизации. Они исходят из ряда предпосылок, которые приписывают Коузу. 1) если права собственности полностью определены между группой агентов, они могут договориться об эффективном способе использования активов; 2) во многих случаях неэффективное использование ресурсов проистекает из плохо определенных прав собственности; 3) коль скоро права собственности четко определены, не имеет значения, как именно они разграничены [210, с.138].

Авторы «фокусируются на ситуациях с плохо определенными правами собственности». Понятно, что они имеют в виду Россию накануне приватизации. «Государственные компании в России, как и в других странах Восточной Европы, являются примером того, как многие агенты обладают перекрывающимися друг друга правами контроля над активами... Рабочие, менеджеры, министерства, местные органы власти и центральное правительство обладают определенными правами на денежные потоки и контролем за использованием активов, и во многих случаях эти права частично перекрываются. В этой ситуации теорема Коуза предсказывает неэффективный результат» [210, с.139].

По их мнению, «приватизация – это способ определения прав собственности между различными претендентами с тем, чтобы они впоследствии могли заключать эффективные сделки». Они рассматривают приватизацию «как перераспределение существующих прав контроля над активами компании между заинтересованными сторонами. Чтобы заинтересованные стороны согласились на это перераспределение, им необходимо получить компенсацию в виде дивидендов и доходов от приватизации. Российская программа приватизации в большинстве случаев пытается урегулировать конфликты между заинтересованными сторонами» [210, с.160, 142]. Они довольно откровенно, цинично и вместе с тем последовательно рассматривают программу приватизации в России с позиций торга приватизаторов с основными заинтересованными группами и их подкупа [210, с.139, 153—158].

В другой программной статье команда западных приватизаторов делает попытку дать экономическое обоснование приватизации. Однако из их рассуждений становится ясно, что дело совсем не в неэффективности государственных предприятий, а в том, что приватизация является составной частью «модели деполитизации», поскольку «во многих случаях механизмы политического влияния на фирмы разрушаются при приватизации фирм». Авторы проговариваются: «Несмотря на то, что конечной экономической целью приватизации является реструктуризация, приватизация всегда и везде является политическим явлением» [82, с.143—144].

По их мнению, совершенно оторванному от действительности, именно быстрая приватизация должна обеспечить массовую поддержку либеральным реформам. «Цель правительств, которые всегда начинают приватизацию, – заручиться поддержкой реформистских (или консервативных) политиков. Массовая приватизация особенно подходит этому мандату, потому что воспринимается широкими массами населения как единственная часть экономической реформы, которая может однозначно принести им пользу... Необходимость заручиться поддержкой реформ является политическим аргументом в пользу быстрой приватизации. Быст-

рая приватизация – это приватизация, которая дает большие политические выгоды с самого начала – именно то, что нужно реформистскому правительству» [82, с.147—148].

Аслунд, современный Воланд, в статье с бравурным названием «История успеха России», опубликованной в 1994 году в *Foreign Affairs* победно рапортует: «Невероятно, но большая часть российской экономики... была приватизирована всего за два года. Россия уже стала рыночной экономикой, но она находится в процессе давно назревшей и масштабной реструктуризации. Россия претерпела фундаментальные изменения и находится на правильном пути... Основные политические институты, такие как выборы президента, парламент и западная конституция уже существуют» [72].

Для обоснования радикальных реформ Аслунд взял на вооружение концепцию рентоориентированного поведения, которая является ответвлением теории общественного выбора. Это явление было впервые рассмотрено Гордоном Таллоком и об этом речь пойдет далее. В одном из интервью, Аслунд дает следующее определение: «Рентоориентированное поведение приносит прибыль выше рыночной, нежели при конкурентном рыночном равновесии. Рентоискательство – это попытка занять привилегированное положение на рынке с помощью государственных субсидий или нормативных актов» [71, с.2].

Применительно к России Аслунд использует понятие рентоискательства, чтобы обосновать необходимость шоковой терапии. Его логика в буквальном смысле убийственна, хотя достаточно примитивна. Так, по его мнению, рентоориентированное поведение было свойственно социалистической экономике, особенно в последние годы существования СССР, а на его развалинах буйно разрослось. [71, с.2]. Под рентоискателями он, начитавшись Восленского, понимает бывшую советскую Номенклатуру и, особенно, «красных директоров», столь ненавистных российским реформаторам и их западным советникам. Ранее я уже упоминала, что Гайдар в книге «Государство и эволюция» «анонимно» воспроизводит теории неоинституционализма, не приводя ни одной ссылки на них, что весьма странно для научного работника, а тем более руководителя НИИ. Одним из таких «безымянных» концептов, на который он опирается в книге, как раз и является теория рентоориентированного поведения.

Аслунд пишет: «Фундаментальная политическая проблема посткоммунистических стран заключается в том, что коммунистическое государство работало на небольшую элиту под названием Номенклатура, а не на людей... В конце коммунизма рентоискательство взлетело до небес, потому что власть имущие чрезмерно эксплуатировали слабость экономических и политических институтов, в то время как общество было в смятении. Поэтому посткоммунистический переход потребовал от реформаторов взять контроль над рентоискательством, которое усиливало экономическую и политическую власть Номенклатуры» [70, с.312].

Он утверждает, что «наихудшая угроза для посткоммунистической трансформации состоит в том, что группа, стремящаяся к извлечению ренты, консолидирует свою власть в условиях диктатуры, поддерживая окаменевшую контролируемую государством систему..., и чтобы покончить с ней требуется еще одна революция». По его мнению, «желательно максимальное нарушение непрерывности, чтобы вывести общество из старого государства и избежать дорогостоящего частично реформированного государства. Поэтому необходим сильный шок как на уровне общества, так и на уровне личности». Он с удовлетворением отмечает, что «десятилетие посткоммунистических преобразований подчеркивает его важность и многочисленные функции. У шока была жизненно важная психологическая функция, заставившая всех изменить свое мнение об экономике. В бывшем СССР прорыв в мышлении о [необходимости] макроэкономической стабилизации произошел только после обвала российской валюты в октябре 1994 года, который нанес необходимый шок российскому истеблишменту и заставил всерьез задуматься о стабилизации» [70, с.316].

Аслунд цинично отмечает, что «Россия подверглась многочисленным шокам: внешний дефолт, падение государственных доходов, резкое сокращение внешней торговли и смена

политического режима. Эти потрясения открыли окно возможностей для фундаментальных системных изменений» [73, с.7]. Однако далее он весьма садистски сожалеет, что шок начала 1990-х был все-таки недостаточно сильным и восторженно приветствовал финансовый кризис 1998 года, как новый сильный шок. По его логике, «механизм извлечения ренты» сохранил устойчивость, и чтобы «разрушить его, действительно нужен такой шок, который бывает, когда дефицит страны слишком велик и [сохраняется] слишком долго, и сумма долгового бремени становится чрезмерной, как в случае с Болгарией в 1996 году и Россией в 1998 году. Именно этот тип финансового кризиса приносит изменения» [71, с.2].

Итак, совет первый, реформы должны быть как можно более быстрыми, радикальными и жестокими. Второй совет тоже напрямую вытекает из концепции рентоориентированного поведения. Необходимо как можно скорее лишить государство экономического фундамента, т.е. приватизировать государственную собственность, а заодно пресечь рентоискательство старой номенклатуры [70, с.316- 317]. При этом для Аслунда, как и для Гайдара, приватизация остается чисто политическим, а не экономическим проектом.

Следует отметить, что с концепцией рентоориентированного поведения произошел большой конфуз. Это вынужден был признать сам Аслунд. На конференции Всемирного Банка в 1999 году он заявил: «Основная проблема России заключается в том, что несколько человек очень разбогатели на частичных реформах и купили большую часть российской политики – политиков и чиновников. Чтобы сохранить ренту, нувориши используют свою экономическую власть для предотвращения либеральных экономических реформ, которые могли бы обеспечить России экономический рост и благосостояние. Посткоммунистический период в России характеризовался борьбой между реформой и погоней за рентой. К сожалению, реформаторы в основном проиграли». Пикантность ситуации заключается в том, что теперь в рентоискательстве он обвиняет не старую коммунистическую номенклатуру, а новоиспеченных (самими же реформаторами) олигархов. «Опасение заключается в том, что новые крупные российские бизнесмены переняли поведение старых красных директоров, живших за счет государства, а не рынка» [73, с.3, 45].

И далее, Аслунд в неуклюжей попытке оправдать младореформаторов оказывает им медвежью услугу и наносит смертельный удар по их мантре об эффективном частном собственнике. Он пишет: «России удалось осуществить передачу большинства прав собственности на крупные и средние предприятия». Иначе говоря, права собственности были отняты у государства и переданы новым собственникам, однако, заветная теорема Коуза, на которую уповали Гайдар и Шлейфер, так и не сработала. Новые собственники пошли по старой протоптанной дорожке, т.е. присосались к скудеющей государственной кормушке. Вывод Аслунда неутешителен: «Приватизация не является альтернативой дерегулированию, хотя она может способствовать дерегулированию в будущем. Приватизация также не была эффективным препятствием для рентоискательства. Во время финансового кризиса 1998 года российские магнаты вели себя не как капиталисты, которые заботятся о стоимости своей собственности, а как рентоискатели, которые думали только о краткосрочных денежных потоках» [73, с.37]. Что собственно и требовалось доказать! По сути, это признание – типичный пример унтер-офицерской вдовы, которая сама себя высекла. Правда, пострадало при этом население России за минусом кучки олигархов.

Третий именитый, а вернее, печально знаменитый, западный советник Джеффри Сакс после активного участия в бесславных российских реформах теперь всячески пытается выйти сухим из воды, хотя имеются его собственные восторженные высказывания о мнимых «успехах» реформ. В комментариях к статье Шлейфера и Вишны «Приватизируя Россию» он пишет: «Всего за два года приватизация превратилась из абстрактной идеи нескольких радикальных реформаторов в действительность для десятков тысяч предприятий...». И далее он выдает себя с головой, заявляя, что «будучи с самого начала консультантами по процессу приватизации,

авторы и я решительно выступали за приоритет скорости над безупречностью в распределении акций» [82, с.184—186].

Сами же западные советники на личном примере блестяще доказали достоверность теории рентоориентированного поведения. Правда, весьма оригинальным способом. Самым красноречивым примером рентоискательства является поведение гарвардской профессуры, которая поспешила нажиться, используя свое привилегированное положение при правительстве Гайдара и доступ к конфиденциальной информации. Как пишет Сергей Глазьев, «Характерным примером являются удивительные коммерческие успехи многих иностранных советников и партнеров руководителей российской приватизации, которые, пользуясь служебной информацией, организовывали массовую скупку акций приватизируемых предприятий в пользу иностранных банков» [12, с.119—120].

Глазьев подтверждает свои выводы официальными документами, в частности, созданная решением Совета Федерации специальная Временная комиссия по расследованию причин, обстоятельств и последствий принятия решений Правительства Российской Федерации и Центрального банка Российской Федерации от 17 августа 1998 года указывает, что «в ходе подготовки решений от 17 августа А. Б. Чубайсом по согласованию с Председателем Правительства Российской Федерации и Председателем Центрального банка Российской Федерации без каких-либо утвержденных в установленном порядке директив и соблюдения необходимых требований национальной безопасности велись консультации с руководителями иностранных финансовых организаций, имеющих свои интересы на российском финансовом рынке. Им была передана информация конфиденциального характера, сознательно скрывавшаяся от российских участников рынка, представительных органов государственной власти, общественности. При этом не было принято необходимых мер, исключающих использование этой информации нерезидентами в коммерческих целях и в ущерб национальным интересам России... Таким образом, проведенный Временной комиссией анализ обстоятельств подготовки и принятия решений от 17 августа позволяет сделать вывод о грубых нарушениях С. В. Кириенко и С. К. Дубининым норм законодательства, принятых процедур подготовки и принятия решений Правительства Российской Федерации и Центрального банка Российской Федерации. Кроме того, А. Б. Чубайсом и С. В. Кириенко были грубо нарушены требования национальной безопасности в части раскрытия конфиденциальной информации заинтересованным иностранным организациям» [12, с.141—144].

Наиболее последовательным, беспощадным и бесстрашным критиком, идущим буквально по пятам иностранных консультантов из Гарвардского университета, является Джанин Ведель, профессор университета Джорджа Вашингтона, а также автор книги «Столкновение и сговор: странный случай западной помощи Восточной Европе в 1989—1998 годах». В мае 1998 года она опубликовала в журнале *The Nation* статью под броским названием «Гарвардские мальчики „сделали“ Россию». Она бросает им в лицо тяжелое обвинение. «После семи лет экономической „реформы“, на которую США и другие западные страны потратили миллиарды долларов в виде помощи, субсидируемых займов и реструктуризации долгов, большинство россиян оказались в еще более худшем экономическом положении. Приватизационная кампания, которая должна была помочь им пожинать плоды свободного рынка, вместо этого способствовала созданию системы капитализма финансовых магнатов, работающей на благо коррумпированной политической олигархии, присвоившей сотни миллионов долларов западной помощи и разграбившей богатства России». Она раскрывает роль Гарвардских советников в провале российских реформ. «Существенным условием реализации политики Чубайса была активная поддержка администрацией Клинтона и ее ключевым представителем по экономической помощи в Москве, Гарвардским институтом международного развития (ГИМР). Используя престиж Гарварда и связи в администрации, сотрудники Института приобрели вир-

туальный карт-бланш на программу экономической помощи США для России, с минимальным контролем со стороны вовлеченных правительственных учреждений» [256].

Ведель утверждает, что «с помощью советников из ГИМР и других западных консультантов Чубайс и его соратники создали сеть финансируемых за счет западной помощи „частных“ организаций, которые позволили им обходить законные правительственные органы и новый парламент Российской Федерации – Думу. Через эту сеть два сотрудника Чубайса, Максим Бойко и Дмитрий Васильев, контролировали почти треть миллиарда долларов в виде помощи и еще миллионы займов от международных финансовых институтов». По данным Ведель, «большая часть этих щедрот прошла через Российский приватизационный центр в Москве (РПЦ), основанный в 1992 году под руководством Чубайса, который был председателем совета директоров еще в то время, когда возглавлял ГКИ, и Бойко, который был руководителем РПЦ на протяжении большей части его существования. РПЦ юридически был частной некоммерческой организацией. Фактически он был создан указом Ельцина и содействовал проведению государственной политики в области инфляции и других макроэкономических вопросов, а также договаривался о займах с международными финансовыми институтами. ГИМР был учредителем РПЦ, а Шлейфер входил в совет директоров. РПЦ получил с помощью ГИМР около 45 млн долл. от США и миллионы от Европейского Союза, отдельных европейских правительств, Японии и других стран, а также займы от Всемирного банка (59 млн долл.) и Европейского банка реконструкции и развития (43 млн долл.), за которые потом должен будет плачиваться русский народ» [256].

Еще одним детищем Гарварда был Институт правовой экономики (ИПЭ), финансируемый Всемирным банком и USAID (Агентство США по международному развитию). Как отмечает Ведель, «этот институт был создан с целью оказания помощи в разработке нормативно-правовой базы рыночной экономики, в частности, проектов указов российского правительства и получил финансирование в размере около 20 млн долл. от США. Когда аудиторы из офиса генерального инспектора USAID запросили документы о финансовой деятельности Института, последний отказался их предоставить» [256].

Ведель подчеркивает, что эти организации были созданы не для содействия российским реформам, а с вполне прозаичной целью, т.е. личного обогащения. «На фоне российского капиталистического Клондайка, который они помогали создавать и которым Чубайс и его команда распоряжались, советники из ГИМР использовали свои тесные связи с Чубайсом и правительством и занимались предпринимательской деятельностью для собственного обогащения. Согласно источникам, близким к расследованию правительства США, еще один представитель Гарварда Джонатан Хэй использовал свое влияние, а также ресурсы, финансируемые США, чтобы помочь своей подруге Элизабет Геберт, создать в России совместный фонд Pallada Asset Management, который стал первым взаимным фондом, получившим лицензию от Федеральной комиссии по ценным бумагам. Руководитель Комиссии Васильев выдал разрешение Палладе раньше, чем гораздо более крупным и авторитетным финансовым учреждениям, таким как, Credit Suisse, First Boston и Pioneer First Voucher». Не обижены были и законные супруги гарвардских советников. Так, жена Шлейфера Нэнси Циммерман, управляющая хедж-фондом в Бостоне, активно торговавшим российскими облигациями, создала совместную фирму с Сергеем Шишкиным, генеральным директором Института правовой экономики. В российских регистрационных документах, адрес и телефон компании и ИПЭ совпадали. Кстати, несмотря на то, что звезда Шлейфера в России закатилась, его жена вполне себе процветает в США. Она регулярно попадает в список богатейших женщин США по версии Forbes Magazine. Так, в 2018 году она занимала 31-ю строчку в номинации «Самые богатые еврейские женщины США, сами сделавшие состояние». В июне 2019 года ее состояние оценивалось

в 740 млн долл., и она занимала 32-ю строчку в дамском списке Forbes¹. Странно, что Forbes не упоминает о российском следе в ее состоянии, который вполне реален в отличие от других мифических российских вмешательств. Видимо, это касается только политики, а не финансов.

Однако оставим в покое дамские кошельки, поскольку Ведель, наконец, достает козырного туза. Она утверждает, что «в организованных Чубайсом инсайдерских аукционах по приватизации важнейших национальных активов, известных как залоговые аукционы, Гарвардская управляющая компания (НМС), которая занимается инвестированием средств университета, и спекулянт-миллиардер Джордж Сорос были единственными иностранными организациями, которые были допущены к участию. НМС и Сорос стали крупными акционерами Новолипецкого металлургического комбината, второго по величине сталелитейного завода России, и Sidanko Oil, чьи запасы превышают запасы „Mobil“. НМС и Сорос также инвестировали в российский высокодоходный внутренний рынок облигаций, субсидируемый МВФ» [256].

В сентябре 1998 года Ведель давала свидетельские показания в Комитете по международным отношениям Палаты представителей США. Она назвала свое выступление «Помощь США России: где все пошло не так». Есть у этого свидетельства и другое, очень конкретное название «Гарвардский клан Чубайса». Лейтмотивом выступления является утверждение, что «клан Чубайса, а не российская экономика в целом, был главным бенефициаром экономической помощи от Агентства США по международному развитию». В доказательство этого довольно серьезного обвинения она приводит конкретные цифры и факты. Так, в период с 1992 по 1997 год Гарвардская группа получила 40,4 млн долл. от USAID в виде неконкурентных грантов для работы в России и должна была получить еще 17,4 млн долл. Однако USAID приостановило финансирование Гарварду в мае 1997 г., сославшись на имевшиеся доказательства того, что руководители Гарварда были вовлечены в «деятельность ради личной выгоды» [257].

Ведель отмечает два весьма интересных обстоятельства, сопутствовавших финансированию из USAID. «Первый весьма необычный аспект этих грантов заключается в том, что Гарвард получил большую часть денег без проведения конкурсных торгов... Это было мотивировано тем, что Гарвард получил гранты по „внешнеполитическим“ соображениям, то есть национальной безопасности США... Другой весьма необычный и очень разрушительный аспект соглашения администрации США с Гарвардом состоит в том, что США под прикрытием экономической помощи делегировали внешнюю политику в критически важной области Гарвардскому университету, т.е. частной организации. В дополнение к получению миллионов долларов прямого финансирования Гарвард и клан Чубайса помогали направлять и координировать портфель экономических реформ USAID в размере 300 млн долл., которые включали приватизацию, правовую реформу, рынки капитала и развитие российской комиссии по ценным бумагам и биржам» [257].

Ведель указывает три основные проблемы, «связанные с экономической помощью США России, которые привели к срыву реальных рыночных реформ и демократических процессов в России». Первая проблема «заключается в том, каким образом приватизация формировалась и поддерживалась консультантами, оплачиваемыми США». По мнению Ведель, «программа, принятая Верховным Советом России, была направлена на предотвращение коррупции. Но программа, которую Чубайс в конечном итоге реализовал, содержала мало подобных гарантий и вместо этого поощряла накопление собственности в немногих руках. Эта программа открыла дверь для широкого распространения коррупции и была настолько противоречивой, что в конечном итоге Чубайсу пришлось полагаться в основном на указы пре-

---

¹ #32 Nancy Zimmerman. \$740M. 2019 America's Self-Made Women Net Worth // Forbes. URL: <https://www.forbes.com/profile/nancy-zimmerman/#3f9e870e3d0a> (дата обращения: 12.06.2020)

зидента, а не на одобрение парламента для ее реализации». Отсюда вытекает вторая главная проблема экономической помощи, заключающаяся в том, что США поддержали правление на основе указов. Она считает, что «вместо того, чтобы поощрять рыночную реформу, это правление указами провалило многие рыночные реформы, а также тормозило создание демократических, инклюзивных институтов... Реформы, за которые выступали USAID, Всемирный банк и Международный валютный фонд, включая приватизацию и реструктуризацию экономики, зависели от изменений в законодательстве, государственном управлении и менталитете и требовали работы со всем спектром законодательных органов и участниками рынка, а не только с одной группой». Она отмечает, что «третья главная проблема экономической помощи США заключается в том, что она создала еще и другие способы обхода демократических процессов, включая сеть финансируемых за счет помощи Запада частных организаций, контролируемых кланом Чубайса и группой Гарварда. Эти организации позволяли реформаторам обходить законные органы власти, такие как отраслевые министерства и Дума» [257].

Многолетнее расследование деятельности клана Гарварда-Чубайса Ведель увенчала блистательной публикацией «Грязные транзакции» в консервативном американском журнале *The National Interest*. Ведель разработала оригинальную концепцию «транзакционизма», которая предлагает методологическую основу для исследования данного феномена. Эта концепция настолько элегантна, что заслуживает подробного изложения. Она остроумно поясняет, что дала имя «транзакционизм» «этому особенному способу ведения бизнеса», опираясь на свой опыт антрополога. Действительно, то что происходило в эпоху дикого капитализма в России, лучше всего исследовать с применением инструментария антрополога, а еще лучше зоолога. Она пытается дать объяснение этому неуловимому и почти неосозаемому феномену. «Транзакционизм в том виде, в каком он применяется в отношениях США и России в течение последнего десятилетия, включает комбинацию отдельных лиц, учреждений и групп, официальный статус которых трудно установить. На самом деле, почти все, что касается транзакторов неоднозначно. Их сфера деятельности не является ни публичной, ни частной, ни политической, ни экономической; их деятельность не является ни полностью открытой, ни полностью скрытой и конспиративной; и транзакции не связаны исключительно с одной или другой стороной. Эта пластичность дает им огромную гибкость, что, в свою очередь, усиливает их влияние на все стороны» [255].

Соответственно под «транзакторами» она подразумевает «членов небольшой неформальной группы, которые работают вместе для взаимной выгоды, формально представляя различные партии. Поведение членов таких групп характеризуется чрезвычайной гибкостью и готовностью обмениваться ролями, даже если они представляют интересы сторон, отличных от тех, которые они официально представляют». Она тут же поясняет, что «в течение 1990-х годов удобная манера взаимодействия американских советников и российских представителей, то есть транзакторов и результаты их деятельности прямо противоречили заявленным целям программы помощи США в России... В начале нового десятилетия ключевые участники этой программы находятся под следствием в связи с отмыванием денег, коррупцией и другой преступной деятельностью, т.е. последствиями их незаъявленных целей» [255].

Точкой отсчета, или зарождения транзакционизма в России Ведель считает дачные встречи между главными действующими лицами. Конечно, это начало прозаичнее, чем бал у Воланда, но итог гораздо трагичнее. Она повествует: «Когда в конце 1991 года рухнуло огромное советское государство, гарвардские профессора Сакс, Шлейфер и другие участвовали в собраниях на даче под Москвой. Там молодые потенциальные российские „реформаторы“ разрабатывали план экономических и политических изменений. Ключевыми россиянами, присутствовавшими на даче, были экономисты Гайдар и Чубайс» [255]. Надо понимать, что дача была не рядовой избушкой на 6 сотках, а бывшей дачей ЦК КПСС, в которой уютно

обосновались «демократы». В России многие государственные вопросы до сих пор решаются в неформальной обстановке на дачах.

Дачные посиделки в скором времени переросли в крепкие связи между гарвардцами и гайдаровцами. Ведель отмечает, что «в России представители Гарварда работали исключительно с Чубайсом и его близким кругом, который стал известен как клан Чубайса. Интересы группы Гарвардского института и клана Чубайса вскоре стали совпадать. Их члены известны своей лояльностью друг другу и объединенным фронтом, который они проецировали на внешний мир. К середине 1993 года игроки группы Гарварда-Чубайса сформировали неформальную и чрезвычайно влиятельную транзакционную группу, которая определяла направление и последствия экономической помощи США и значительную часть западной экономической политики в отношении России» [255].

Ведель раскладывает по полочкам *modus operandi*, или попросту говоря грязную дачную кухню группы Гарварда-Чубайса. Она выделяет пять основных принципов ее функционирования.

1. Демократия по указам. «Предпочтительным способом проведения транзакций в российском контексте был президентский указ, спускаемый сверху вниз. Должностные лица США недвусмысленно поощряли эту практику как эффективное средство проведения рыночной реформы... Правление на основе указов позволяло транзакторам обходить демократически избранные Верховный Совет и, позднее, Думу. Директор Гарвардского института в России Хей и его сотрудники зашли так далеко, что сами писали проекты некоторых кремлевских указов» [255].

2. Гибкие организации. «Транзакторы Гарварда-Чубайса создали и контролировали сеть финансируемых за счет западной помощи частных организаций, чьей официальной целью было проведение экономических реформ, но которые часто использовались для продвижения местнических планов транзакторов. Эти организации вытесняли или обходили государственные учреждения. Они обычно выполняли функции, которые в современных государствах являются областью правительственной бюрократии. Они служили для обхода Думы и других институтов, чей вклад в долгосрочной перспективе имел бы решающее значение для успешного осуществления экономических реформ в России. Кроме того, организации, созданные за счет западной помощи, служили критически важным ресурсом для транзакторов, механизмом, позволявшим использовать финансовые и политические возможности для собственных целей. Я называю эти органы „гибкими организациями“ как признание их поразительно адаптируемого хамелеоноподобного многоцелевого характера» [255].

По мнению Веделя, «флагманской организацией доноров был Российский приватизационный центр, который представлял собой архетип гибкой организации, менявшей свою идентичность и статус в соответствии с ситуацией... Согласно документам Счетной палаты России, Центр имел бóльший контроль над некоторыми приватизационными документами и директивами, чем правительственное учреждение, формально отвечавшее за приватизацию. Два чиновника центра, его генеральный директор из клана Чубайса и московский представитель Гарварда Хэй, фактически были уполномочены подписывать решения о приватизации от имени Российской Федерации. Таким образом, русский и американец, оба связанные с частной организацией, в конечном итоге стали представителями России» [255].

3. Транс-идентичность. Ведель отмечает, что «менять облик могли не только организации. Гибкая организация имела свой индивидуальный эквивалент в феномене „транс-идентичности“, который относится к способности транзактора изменять свою личность по собственному желанию, независимо от того, какая сторона первоначально назначила его своим представителем. Ключевые транзакторы Гарварда-Чубайса были типичными хамелеонами. В соответствии с целями транзакторов, один и тот же человек мог представлять США на одном

заседании, а Россию на следующем и себя самого на третьем независимо от национального происхождения» [255].

Она приводит убедительные примеры многоликости основных персонажей, однако, самым типичным представителем являлся Аслунд. «Наиболее эффективные и влиятельные трансакторы чрезвычайно искусны в работе над множеством ролей и идентичностей. Одним из таких вездесущих трансакторов являлся Аслунд, бывший шведский посланник в России, который работал с Саксом и Гайдаром. Аслунд, казалось, одновременно представлял и говорил от имени американских, российских и шведских правительств и властей... Хотя он был частным лицом, гражданином Швеции, он, тем не менее, участвовал во встречах на высоком уровне в Казначействе США, Государственном департаменте по вопросам политики США и МВФ. Аслунд также занимался бизнесом в России и на Украине. По данным Департамента организованной преступности МВД России, он имел „значительные“ инвестиции в Российской Федерации» [255].

4. *Взаимозаменяемость.* «Индивидуальная маневренность отдельных лиц, которую давала транс-идентичность, также присутствовала на уровне группы. Группа Гарвардского института, хотя формально представляла США, также представляла группу Чубайса. Так, иногда американские чиновники и следователи, запрашивавшие встречи с русскими, вместо них перенаправлялись к американцам. При лоббировании в США контрактов на оказание помощи России группа Гарвардского института постоянно ссылалась на свой доступ к российским „реформаторам“ в качестве своего основного преимущества; это было на самом деле ключевым компонентом их работы по связям с общественностью. В свою очередь, Гарвард выступал от имени клана Чубайса на встречах с политиками США и американскими фондами» [255].

5. *Неподотчетность и самоувековечение.* «Трансакторы в значительной степени были выше формальной ответственности. Группа расставляла своих членов на различные должности для выполнения собственных задач, которые могли противоречить интересам правительства или общественным интересам, которым они якобы служили. В результате получалось подобие игры в музыкальные стулья. Например, Государственный комитет по имуществу возглавлялся чередой трансакторов Чубайса, среди которых были сам Чубайс, Максим Бойко и Альфред Кох. Эти же лица также занимали различные ключевые позиции в Российском приватизационном центре при Гарварде-Чубайсе». Ведель делает предположение, что «Трансакторы Чубайса вряд ли исчезнут в России при Владимире Путине» [255]. К сожалению, предсказание Ведель оказалось верным. За почти 20 лет, прошедшие со времени ее разоблачений, сам Чубайс сменил не одно руководящее кресло, а трансакторы более мелкого калибра продолжают процветать.

Ведель переходит от исследования частного случая группы Гарварда-Чубайса к более широкому обобщению. Она пишет: «Американо-российский опыт трансакционизма интересен и тревожен не только сам по себе, но и потому, что такой способ действий может стать более распространенным способом ведения транснациональных взаимодействий в XXI веке. В условиях продолжающегося процесса глобализации национальная принадлежность участников становится все менее актуальной. Глобальные элиты, имея более тесные связи друг с другом и реже с национальными государствами, позиционируют себя не столько как американские, бразильские или итальянские, сколько как члены эксклюзивного и очень мобильного многонационального клуба, правила и нормы которого еще предстоит написать» [255].

Публикация Ведель не осталась незамеченной ее главными героями, которые написали в редакцию журнала *The National Interest* письма, пылавшие праведным гневом. В том же году вышло продолжение «Грязные трансакции: обмен мнениями». Завязалась дискуссия, хотя ее нельзя назвать подлинно научной. Со стороны главных персонажей она напоминала базарную перепалку типа «сам дурак». Были опубликованы ответы Сакса и Аслунда, которые больше похожи на самооправдания по отдельным мелким пунктам. О самой концепции они

даже не упоминали. Видимо, нечем было крыть. Так, Сакс, оскорбленный сомнениями Ведель в том, что он официально работал на правительство России, выдает себя с головой. «Несмотря на странные намеки д-ра Ведель, что у меня не было консультативной роли при президенте Ельцине, он официально назначил нас советниками во время встречи 13 декабря 1991 г. Мы получили офисы в Совете министров в 1992 году и в Министерстве финансов в 1993 году. До конца 1992 года мы с Аслундом главным образом консультировали исполняющего обязанности премьер-министра Егора Гайдара, а в 1993 году мы возглавляли подразделение в министерстве финансов России, консультируя вице-преьера Бориса Федорова» [228]. Налицо явный конфликт интересов, поскольку Сакс официально представлял США. При этом крайне наивно выглядит его заявление о том, что Ельцин официально назначил их советниками без ссылки на соответствующие документы, т.е. указы или, по крайней мере, распоряжения президента.

Что характерно, от клана Чубайса на обвинения Ведель никто так и не среагировал. Как она пишет в заключительном слове, «в статье представлена теория трансакторства, способ организации отношений между народами. И Сакс, и Аслунд оглушительно молчат по этому центральному вопросу и не пытаются опровергнуть теорию, либо критический набор фактов, подтверждающих ее» [228].

В подборке были также приведены отзывы в поддержку концепции Ведель, в частности, Уэйна Мерри, директора Программы по европейским обществам с переходной экономикой при Атлантическом совете США. Он пишет, что наблюдал основные недостатки политики США в отношении России, когда работал в политическом отделе посольства США в Москве в 1991—1994 годах. Таким образом, он был непосредственным свидетелем событий, о которых пишет Ведель.

Он отмечает три основных порока американского подхода. «Прежде всего это было невежество, поскольку поставщики „Вашингтонского консенсуса“ выпустили на волю свою догму в стране, которую они не понимали и, что еще хуже, не хотели понимать. Затем было высокомерие на многих уровнях: вера в то, что „Вашингтонский консенсус“ воплощает в себе высшую экономическую истину (несмотря на его явные провалы); реагируя на любые сомнения относительно этой догмы обвинениями в ереси и нелояльности; взгляд на Россию как на экономическую пустошь (тот факт, что ей удалось построить все эти ракеты, они просто игнорировали) и как лабораторию для усовершенствования экономической теории... И, наконец, лицемерие, поскольку официальные представители Вашингтона утверждали, что были „шокированы, потрясены“, когда санкционированные правительством коррупцию и кражу государственной собственности в России было невозможно больше скрывать». Мерри завершает свой краткий, но емкий комментарий довольно загадочной и пессимистичной фразой о том, что Ведель «до сих пор видела только верхушку айсберга и то, что остается „засекреченным“, намного хуже» [228].

Интересно, узнает ли наше поколение всю правду, какой бы горькой она ни была?! «Во многом знании много печали...» сказано в Екклесиасте.

2. Властелины Вселенной или волшебники страны Оз?

Поскольку страна была красивая и зеленая, я решил назвать город Изумрудным. А чтобы название лучше усвоилось, я велел его жителям носить зеленые очки: так они все видели в зеленом свете... Мои подданные носят зеленые очки так давно, что большинство из них и впрямь считает, что город – изумрудный.

Лаймен Ф. Баум, «Удивительный Волшебник из Страны Оз» (1900)

В 2017 году в России была издана книга Дэниела Стедмен-Джоунза «Рождение неолиберальной политики: от Хайека и Фридмана до Рейгана и Тэтчер» (М.: Мысль, 2017). Правда, название русской версии значительно скучнее оригинального *Masters of the universe: Hayek, Friedman, and the birth of neoliberal politics* и вдобавок несколько смещены акценты. Если перевести буквально, то будет выглядеть примерно так: «Властелины Вселенной: Хайек, Фридман и рождение неолиберальной политики».

Стедмен-Джоунз обыграл название популярного одноименного фильма «Властелины вселенной», а я, в свою очередь, сравню Хайека и Фридмана с героем моей любимой детской книжки «Удивительный Волшебник из Страны Оз», которую изучала в английской спецшколе в качестве домашнего чтения. Кстати, с этой книжкой тоже произошла досадная метаморфоза. Детский писатель Александр Волков перевел книгу Лаймена Баума на русский язык под названием «Волшебник Изумрудного города» и опубликовал под собственным именем. Тогда ведь не существовало копирайта. В моей детской книжке в Изумрудном городе жил великий и ужасный Волшебник, который нагонял страх на жителей города и заставлял их носить зеленые очки. Однако смелая девочка Дороти со своими верными сказочными друзьями разоблачает Волшебника. Он оказывается безобидным старичком, который не умеет колдовать, но является талантливым мистификатором. Если снять зеленые очки, то город оказывается самым обычным, а не изумрудным.

На мой взгляд, Стедмен-Джоунз чересчур демонизирует Хайека и Фридмана, приписывая им сверхъестественные могущество и влияние. Долгое время они были обычными учеными, известными только в узких кругах, а не великими и ужасными Волшебниками, которые заставили весь мир носить зеленые неолиберальные очки. У меня весьма сложное, почти личное отношение к ним. Я открыла их довольно поздно в эпоху гласности и перестройки и попала под их очарование, несмотря на то, что до этого преподавала политическую экономию, марксистскую, разумеется. Сначала я, как и все, зачитывалась Хайеком, а Фридмана открыла позже. Прошло почти 30 лет, и я снова достала первые российские издания книжечек в бумажных переплетах с закладками и пометками на каждой странице. Впечатление было такое же, как если бы я снова перечитала детскую сказку «Удивительный Волшебник из Страны Оз». Признаться, я была разочарована.

Потеряв надежду найти в трудах интернациональной команды приватизаторов в России сколь-нибудь научное доказательство гипотезы о более высокой эффективности частной собственности по сравнению с государственной, я решила обратиться к их чикагским гуру. Сразу стало понятно, откуда был позаимствован безапелляционный и менторский тон, который не предполагал никаких доказательств; только обвинения государства во всех мыслимых грехах и восхваление частной собственности. Скажу сразу, я не нашла того, что искала и у «властелинов Вселенной». Перечитывая когда-то так поразившие меня книги неолиберальных кумиров, я испытывала некое чувство стыда за то, что в свое время так легко поверила их обещаниям свободы. Когда начались процессы гласности и перестройки, я жадно вдыхала воздух свободы, единственное чего мне по-настоящему не хватало при социализме. Я смотрела на либеральные реформы сквозь розовые очки и взахлеб читала неолиберальные опусы.

Теперь после четверти века либеральных реформ, которые до неузнаваемости изменили мою страну, я могу более или менее трезво оценить доктрину, которая лежала в их основе. Я называю неолиберализм доктриной потому, что строго говоря, он не отвечает критериям научной теории. Ее создатели еще оставались учеными в первой половине XX века, но перестали быть таковыми, когда принесли научную беспристрастность в жертву безудержной пропаганде свободного рынка. Секрет притягательности их трудов чрезвычайно прост. Они говорили то, что люди хотели услышать. Для этого не нужно было ничего доказывать. Читателю нужно было убедиться в собственной правоте. В послевоенные годы их немногочисленную аудиторию составляли студенты, которым они преподавали, хотя университетские коллеги смотрели косо, и консервативные бизнесмены. Тэтчер и Рейган увидели в их трудах теорию, которую можно было подстелить под их экономические реформы. А когда либеральная пропагандистская машина начала работать на полных оборотах, тогда академическое сообщество и обыватели приняли их на веру.

2.1. Монпелеринские мудрецы

В далеком послевоенном 1947 году произошли два мало кем замеченных события, которые исподволь начали менять облик нашего мира. 1 апреля в идиллическом швейцарском курорте Мон Пелерин состоялось неформальное собрание группы ученых, известных тогда лишь узкому кругу посвященных. Теперь имена некоторых из них получили мировую известность. В тот апрельский день около 40 участников съехались из стран Западной Европы и США, чтобы в течение десяти дней обсуждать волновавшие их вопросы. Большинство участников были учеными; двадцать были экономистами, еще восемь представляли такие науки, как право, история, философия, политология и химия. Среди гостей были также бизнесмены, журналисты и аналитики. Инициатором этого ученого собрания был австрийский экономист Фридрих фон Хайек, в то время профессор Лондонской школы экономики и политических наук. Незадолго до этого в Великобритании и США была издана его книга «Дорога к рабству» (The Road to Serfdom, 1944), которая с тех пор стала библией неолиберализма.

Почему почтенные ученые и их последователи организовали научную конференцию в столь уединенном месте в условиях строгой конспирации, как заговорщики, замышлявшие государственный переворот? Сейчас это трудно представить, но после войны либерализм был, мягко говоря, мало популярен в академических и политических кругах. Те, кто его исповедовал, чувствовали себя чуть ли не изгоями, а по меньшей мере – маргиналами. После Великой депрессии, которая впервые продемонстрировала опасности нерегулируемого рынка, парадигма свободного рынка сменилась кейнсианской теорией, обосновавшей необходимость государственного регулирования экономики. Успехи социалистической индустриализации, проведенной впечатляющими темпами, и решающая роль СССР в победе над фашизмом способствовали распространению идей социализма. Мобилизация национальных экономик в условиях Второй мировой войны и рacionamento продуктов питания в послевоенное время привели к усилению государственного регулирования в Западной Европе, США и Японии. Увеличение роли государства в экономике вызывало раздражение и беспокойство у либеральных ученых и представителей большого бизнеса.

Развитие этих тенденций побудило Хайека написать «Дорогу к рабству». Успех книги в США окрылил его, и он решил создать некий клуб единомышленников. Во время триумфального турне по США он встречался со старыми соратниками, такими как его учитель Людвиг фон Мизес, а также новыми сторонниками и будущими спонсорами. Хайек направил приглашения 50 ученым, из которых откликнулись 36 человек. После года подготовительной работы конференция, наконец, состоялась. Поначалу Мизес отнесся довольно скептически к этой ини-

циативе, и только благодаря мягкой настойчивости своего ученика и спонсорской поддержке, он решился на поездку из США в Европу.

Вступительное слово Хайека задало тон не только дискуссиям на конференции, но и всему последующему неолиберальному дискурсу на долгие годы. Хайек определил повестку послевоенной идеологической реконструкции классического либерального движения. Для этого было необходимо, с одной стороны, «очистить традиционную либеральную теорию от некоторых случайных наростов, которые с течением временем приросли к ней» и, с другой стороны, «подготовиться к решению некоторых реальных проблем, которых избегал чрезмерно упрощенный либерализм или которые проявились, когда он превратился в застывшее и жесткое кредо» [141].

Следует отметить, что участники конференции несмотря на свои либеральные взгляды не представляли монолитного единства. Учитель Хайека Мизес был тогда типичным представителем старой гвардии классического либерализма. Сам Хайек, Милтон Фридман и Фриц Махлуп уже были неолибералами. Виктор Ойкен и Вильгельм Рёпке были немецкими ордолибералами и теоретиками социальной рыночной экономики. Бертран де Жувенель, Фрэнк Найт, Майкл Полани, Карл Поппер и Джордж Стиглер были либеральными социал-демократами. Морис Алле и Лайонел Роббинс представляли крайне левую ветвь либерализма. Между участниками существовали разногласия, например, по вопросам государственного контроля за денежно-кредитной политикой, роли религии, минимальной заработной платы и уровню обеспечения благосостояния, допустимому для свободной экономики. Некоторые участники, такие как Рёпке и Раппард, полагали, что либерализм должен был сдерживаться стремлением современного человека к безопасности. Мизес опасался, что такие уступки станут первым шагом на пути к рабству. Во время заседания, посвященного распределению доходов, некоторые участники высказывались в поддержку идеи прогрессивного подоходного налога, а Мизес возмущенно воскликнул: «Все вы – кучка социалистов!» [87]. Хотя участники не обязательно разделяли общую интерпретацию причин или последствий, однако, они видели опасности в расширении роли правительства, и, в первую очередь, в государстве благосостояния, во власти профсоюзов и монополий, а также в сохранявшейся угрозе и реальности инфляции.

Хайеку удалось направить дискуссии в конструктивное русло и завершить конференцию принятием Заявления о намерениях. Документ, принятый 8 апреля 1947 года, начинался пафосно: «Главные ценности цивилизации в опасности». Во многих странах «существенные условия сохранения человеческого достоинства и свободы уже исчезли», а в других они «находятся под постоянной угрозой». «Даже самое ценное достояние западного человека – свобода мысли и выражения находится под угрозой». В Заявлении указывалось, что «этому способствовало снижение веры в частную собственность и конкурентный рынок; ибо без децентрализованной власти и инициативы, связанной с этими институтами, трудно представить общество, в котором свобода может быть эффективно сохранена» [238].

Группа подчеркивала, что не намерена создавать ортодоксальное учение, учреждать или присоединяться к какой-либо политической партии или течениям, или вести пропаганду. Предполагалось сосредоточить усилия на изучении таких вопросов как: 1) «Переопределение функций государства для более четкого различия между тоталитарным и либеральным порядком». 2) «Методы восстановления верховенства права и обеспечения его развития таким образом, чтобы отдельные лица и группы не могли посягать на свободу других и частные права, что могло стать основой хищнической власти». 3) «Возможность установления минимальных стандартов средствами, не противоречащими инициативе и функционированию рынка» [238].

Несмотря на принципиальные разногласия, встреча, в целом, прошла успешно. Главным результатом было основание Общества Мон Пелерин 9 апреля 1947 года и избрание Хайека президентом. В ноябре того же года общество было официально зарегистрировано в США как некоммерческая организация. Его заявленной целью было «изучение политических, экономи-

ческих, исторических, нравственных и философских аспектов гражданского общества, имеющих отношение к институциональным и организационным условиям, совместимым со свободой мысли и действий». Долгое время всей деятельностью Общества управляли сам Хайек, который был президентом с момента основания до 1961 года, и европейский секретарь Альберт Хунольд [87].

Как указывается на официальном сайте Общества, многие из его индивидуальных членов были известными и влиятельными персонами. Некоторые из них впоследствии были министрами в правительствах различных стран или высшими должностными лицами и даже президентами или премьер-министрами, среди них – Людвиг Эрхард в Германии (1963—1966), Луиджи Эйнаути в Италии (1948—1955), Март Лаар в Эстонии (1992—1994; 1999—2002), Ранил Викрамасингхе в Шри-Ланке (1993—1994; 2001—2004; 2015—2018 и с 2018 года) и Вацлав Клаус в Чешской Республике (2003—2013). Однако все они достигли этих высоких постов как индивидуумы, а не как представители Монпелеринского общества, подчеркивается на сайте.

Я столь подробно останавливаюсь на первых шагах Монпелеринского общества потому, что, во-первых, мне как научному работнику, было интересно открыть для себя (и надеюсь для читателя) малоизвестные факты об этом и по сей день довольно закрытом научном сообществе и то как Хайек занимался его продвижением и поисками спонсоров. Я с удивлением узнала, что те, кого сейчас называют «властелинами Вселенной», сталкивались с такими же проблемами, как и любой современный ученый, трудностями с публикациями трудов, финансированием исследований и организацией конференций. Я отношусь к этому периоду их деятельности с сочувствием и даже симпатией.

Во-вторых, мне хотелось проследить зарождение неолиберального движения, и в этом смысле собрание в Мон Пелерине представляет собой момент его зачатия, исходный пункт, хотя почти четверть века после этого неолиберализм продолжал находиться в латентном состоянии. Общество было своего рода спящей террористической ячейкой.

В-третьих, в дискуссиях на учредительной конференции в той или иной форме прозвучали практически все ключевые темы, которые волновали либеральное сообщество. Впоследствии некоторые из них, такие как вмешательство государства в экономику, получили приоритетное развитие в выступлениях и публикациях монпелеринцев. Однако с течением времени некоторые подходы изменились и даже произошли повороты на 180 градусов, это, в первую очередь, относится к трактовке конкуренции и монополии.

И, наконец, любопытно было узнать, что столь могущественное движение вылупилось из яйца в столь скромных условиях. Я имею в виду, что первыми спонсорами были не миллиардеры, а мало кому известные фонды или отдельные бизнесмены. Фонд Волкера финансировал транспортные расходы американских участников для поездки на учредительное заседание в 1947 году; на протяжении многих лет щедрые пожертвования поступали от ряда европейских и американских фондов [87]. Тогда ведь не существовало всемогущих «Коктопуса», Сороса и т. п. Интересен тот факт, что Хайек обращался за поддержкой к Рокфеллерам с просьбой пожертвовать 5 тыс. долл., но получил отказ. Тогда он планировал собрать 30 тыс. долл. для организации ежегодной конференции Монпелеринского общества в США, но так и не смог. Получается, что для поддержания общества на плаву счет шел всего на несколько десятков тысяч долларов в год, что не идет ни в какое сравнение с авансом в миллион долларов, который Березовский и Гусинский выдали Чубайсу и Коху на написание книги о приватизации, которая так и не была написана. А жаль. Может быть там они, наконец, дали бы научное обоснование приватизации и объяснили, почему частная собственность эффективнее государственной.

Еще более неприметным событием, случившимся в том же году, была смерть Уильяма Волкера 4 ноября 1947 г. в американском Канзас-Сити. Однако эти два события оказались связанными невидимой, но прочной нитью, протянувшейся в Европу из-за океана. Волкер

не был ученым либерального толка. Он был успешным предпринимателем, который создал с нуля фирму по производству аксессуаров для интерьера и превратил ее в многомиллионный бизнес. В 1932 году Волкер направил половину своего состояния в благотворительный фонд Уильяма Волкера (Volker Fund). В уставе фонда указывалось, что он будет «заботиться о больных, престарелых и беспомощных»; «обеспечивать средства и условия для физического, умственного, морального и духовного совершенствования людей»; «улучшать условия жизни и работы» и поддерживать «образование и учебные заведения».

По жестокой иронии судьбы наследник Уильяма Волкера и его душеприказчик Гарольд Лахнау оказался большим поклонником трудов Хайека, и, особенно, «Дороги к рабству», являясь ярким сторонником неолиберализма. Под руководством Лахнау Фонд сместил фокус внимания с благотворительной деятельности в Канзас-Сити и начал оказывать финансовую поддержку Монпелеринскому обществу с целью пропаганды мировоззрения австрийской школы в США². В первые годы существования Общества Мон Пелерин фонд Волкера был одним из немногих, кто финансировал расходы по организации собраний. При финансовой поддержке Фонда Фридрих Хайек оказался в Чикагском университете. Фонд также оказывал помощь ряду либеральных ученых, членам Общества, которые в то время не могли получить должности в американских университетах, таким как Мизес и Аарон Директор. Я так подробно пишу о фонде Волкера потому, что меня поразило столь благоприятное для Общества стечение обстоятельств, которое привело к тому, что после смерти основателя фонда его средства стали служить для финансовой подпитки неолиберализма, по самой своей сути, глубоко враждебного той благородной социальной деятельности, которой занимался сам Волкер.

Более двух десятилетий Монпелеринское общество было в буквальном смысле тайным, т.е. о его существовании было известно только посвященным. Этот статус сохранялся не только потому, что оно особо себя не афишировало, но главным образом, потому, что время его еще не пришло, и идеи, которые оно продвигало не очень интересовали широкую общественность. Между тем, Общество занималось вполне нормальными для научной организации рутинными делами. Проводило ежегодные конференции в разных странах. Учредило пару дочерних организаций. Его члены активно публиковали научные труды, преподавали в университетах и бизнес-школах по обе стороны Атлантики, участвовали в научных дискуссиях, выступали перед бизнес-сообществом. Мирная академическая жизнь внезапно и приятно прервалась в 1970-х годах.

Как повествует Эмон Батлер, «в 1980-1990-х гг. у них было волнующее чувство, что наконец-то дела пошли своим чередом. Несколько стран, начиная с правительства Маргарет Тэтчер в Великобритании, приватизировали свои государственные предприятия; правительства, начиная с Китая, Индии и Америки и кончая Францией, проводили либерализацию, сокращение или снижение налогов и был достигнут прогресс в либерализации международной торговли. Затем в 1989 году с поразительной скоростью рухнул железный занавес, и обнажилась экономическая катастрофа, которая скрывалась за ним». Он пишет, что «невозможно измерить влияние Общества в этой революции». Однако вскользь отмечает, что «путем создания международной сети, с помощью которой могут распространяться либеральные идеи, и через политические институты, которые продвигали его принципы, оно, несомненно, изменило события» [87].

Вместе с востребованностью неолиберальных теорий со стороны мировых лидеров пришло и долгожданное научное признание. На Общество полился золотой дождь в виде Нобелевских премий по экономике. Восемь его членов стали Нобелевскими лауреатами. Первым премию получил Фридрих фон Хайек (1974). Затем ее удостоились Милтон Фридман (1976),

---

² Anonymous Funding of the Academic Right: William Volker and Henry Earhart // Mises Institute. URL: <https://mises.org/wire/anonymous-funding-academic-right-william-volker-and-henry-earhart> (дата обращения: 12.06.2020)

Джордж Стиглер (1982), Джеймс М. Бьюкенен (1986), Морис Алле (1988), Роналд Коуз (1991), Гэри Беккер (1992) и Вернон Смит (2002). Еще один монпелеринец, перуанский писатель Марио Варгас Льюса, получил Нобелевскую премию по литературе в 2010 году.

Здесь необходимо уточнить, что Нобелевская премия по экономике – это сокращенное название, а полностью оно звучит так – Премия Шведского национального банка по экономическим наукам памяти Альфреда Нобеля, т.е. это неофициальная, параллельная премия, типа Шнобелевской премии. Сходство с настоящей Нобелевской премией лишь в том, что она присуждается и вручается в Швеции.

Эмон Фингтон, бывший редактор The Forbes и The Financial Times, в саркастической статье с длинным названием «Бог изобрел экономистов, чтобы астрологи выглядели хорошо, так почему же экономисты получают все Нобелевские премии?» подверг уничтожающей критике неолиберальную идеологию ее получателей. Он пишет: «Что касается Нобелевской премии по экономике, я вряд ли одинок в утверждении о ее необычайной предвзятости. Даже потомки Альфреда Нобеля заметили это и пригрозили запретить использовать в названии экономического приза имя Нобеля. По их мнению, Альфред Нобель отрекся бы от многих мошенников, которые прикрываются его именем». Он указывает, что «в течение многих лет подавляющее большинство получателей шведской безделушки были экстремальными сторонниками laissez-faire. Таким образом, именно им мы должны быть благодарны за радикальное финансовое дерегулирование, которое испортило жизнь многим покупателям жилья и мелким инвесторам в США (не говоря уже об Ирландии, Испании и других странах)» [120].

По сути дела, единственным настоящим Нобелевским лауреатом из числа монпелеринцев является писатель Варгас Льюса. Как бы то ни было присуждение Нобелевской премии по экономике восьми его членам подняло престиж Общества в глазах широкой общественности, придало больший вес их суждениям и способствовало дальнейшему продвижению и широкому распространению неолиберальной доктрины.

К 2012 году Общество выросло до 699 членов – около 140 было добавлено после решения, принятого на Общем собрании в Сиднее в 2010 году, разрешившее расширение до 1000 членов. Кстати, при желании можно попытаться стать членом Монпелерина. Как указывается на его сайте, «следующее окно для подачи заявки на членство откроется с 1 апреля по 30 июня 2020 года»³.

Прискорбно, но факт, после неожиданно свалившейся славы и признания деятельность Общества и жизнь его ведущих членов радикально изменилась. Постепенно Монпелерин превратился из научного сообщества в младшего брата Бильдебергского клуба, а его анонимность сменилась шумной публичностью и политической активностью. Вот на этом переломном моменте временно оставим Монпелеринское общество и обратимся к трудам его главных идеологов, заложивших краеугольные камни неолиберализма.

2.2. Австрийская школа в изгнании

Если учёный не может объяснить восьмилетнему мальчику чем он занимается – он шарлатан.

Курт Воннегут, «Колыбель для кошки» (1963)

Стедмен-Джоунз причисляет к властелинам Вселенной, в первую очередь, Хайека и Фридмана, однако, я начала свои поиски смысла приватизации с работ Людвиг фон Мизеса. Несмотря на то, что он вначале довольно скептически отнесся к начинанию своего ученика Хайека и не охотно посещал заседания Мон Пелерина, именно в его трудах нужно искать

---

³ How to Join MPS // The Mont Pelerin Society. URL: <https://www.montpelerin.org/how-to-join-mps/> (дата обращения: 12.06.2020)

истоки идей, которые были развиты его неолиберальными последователями, хотя и получили при этом довольно гротескную форму. Сам Мизес оставался классическим либералом и впоследствии старался дистанцироваться от неолиберализма.

Приведу несколько фактов из биографии, которые проливают свет на его роль в становлении неолиберализма в Европе и США. Мизес родился в 1881 году в Лемберге (современный Львов), который входил в состав Австро-Венгерской империи. Окончил Венский университет (1906) и преподавал там в 1913—1938 гг. В 1926 году основал Австрийский институт исследования бизнес-циклов. В 1940 году Мизес, спасаясь от фашизма, эмигрировал в США при поддержке Фонда Рокфеллера. Как и многие европейские либералы, которые нашли убежище в США, он получал финансовую поддержку Фонда Волкера. Мизес был приглашенным профессором в Нью-Йоркском университете и занимал эту должность с 1945 года до своей отставки в 1969 году, при этом жалование ему выплачивал не университет, а щедрые спонсоры [162].

Описать все гигантское научное наследие Мизеса не представляется возможным. Остановлю внимание на двух книгах, которые наиболее отвечают моей задаче, а именно: «Человеческая деятельность. Трактат по экономической теории» (1949) и «Либерализм» (1962), в которых мы увидим разные ипостаси Мизеса. Первая книга привлекла меня претензией на фундаментальность, а вторая – популярностью изложения.

Само название книги «Человеческая деятельность. Трактат по экономической теории» обязывает. Читатель вправе ожидать изложения фундаментальных основ экономической науки. Хотя Мизес так и не дал ответа на мой уже превратившийся в идею-фикс вопрос об эффективности частной собственности, рассмотрю основную проблематику этого труда. В дальнейшем она будет служить ориентиром для выяснения того, насколько далеко ушли его ученики от тематики традиционного либерализма. Основная тематика книг включает стандартный либеральный набор: свобода, рынок и частная собственность, конкуренция и монополии, государство вообще и социалистическое, в частности. Вполне понятно, что большая часть экономической теории по Мизесу посвящена частной собственности и рынку. Однако он не рассматривает законы функционирования и развития рыночной системы, а провозглашает ее вечный естественно-эволюционный характер.

Краеугольный камень учения Мизеса представляет свобода, которая существует для него только в рыночных координатах. Он патетически пишет: «Не существует иной личной и политической свободы, чем та, которую несет с собой рынок. В тоталитарном гегемонистском обществе у индивида остается только одна свобода, поскольку ее нельзя у него отобрать, это свобода покончить жизнь самоубийством» [32, с.204]. Получается довольно жесткая безальтернативная конструкция: нет рынка – нет свободы. Отсюда берет истоки тотальное отрицание социализма, хотя ни Мизесу, ни его сторонникам так и не удалось доказать его неосуществимость. «Замена рыночной экономики планированием устраняет всякую свободу и оставляет индивиду лишь право повиноваться». Изначальная зашоренность и категоричность исходных посылок лишает подход Мизеса потенциала творческого исследования, для которого характерны сомнения и даже метания. Отрицает Мизес и возможность третьего пути, т.е. сочетания частной и государственной собственности.

Вторая жесткая связка «рынок – частная собственность» окончательно придает ригидность ментальной конструкции Мизеса. «Частная собственность на средства производства представляет собой фундаментальный институт рыночной экономики. Именно наличие этого института характеризует рыночную экономику как таковую». По Мизесу, частная собственность носит вечный цивилизационный характер. «До настоящего времени все цивилизации были основаны на частной собственности на средства производства. В прошлом цивилизация и частная собственность были связаны воедино» [32, с.261]

Довольно интересна трактовка Мизесом прав собственности. «Частная собственность представляет собой человеческий механизм. Она не божественна. Она возникла на заре истории, когда люди своей собственной силой и своей собственной властью присваивали себе то, что прежде не было ничьей собственностью. Собственники то и дело лишались своей собственности путем экспроприации. Историю частной собственности можно проследить до того момента, когда она возникла в результате действий, которые определенно не были законными» [32, с.261]. Он признает, что происхождение частной собственности связано с первоначальным присвоением, однако, тут же находит весьма неуклюжий выход из этой коллизии. «Однако тот факт, что юридический формализм может проследить любое право собственности либо до самовольного присвоения, либо до насильственной экспроприации, не играет никакой роли в обстоятельствах рыночной экономики. В рыночной экономике собственность более не связана с отдаленным происхождением частной собственности... Лишь в юридическом и формалистском смысле собственники могут считаться преемниками захватчиков и экспроприаторов» [32, с.262].

Он выдает пленарную индульгенцию бывшим «захватчикам и экспроприаторам» на том основании, что первородный грех искупается тем, что они якобы будут использовать собственность на благо тех, у кого они ее отобрали. Абсурдная логика его рассуждений такова: «В рыночной экономике собственники капитала и земли могут получать пользу от своей собственности, только применяя ее для удовлетворения потребностей других людей... Собственность является активом только для тех, кто знает, как наилучшим образом поставить ее на службу потребителям. Она суть социальная функция» [32, с.262]. Оправдание Мизесом несправедливого завладения собственностью является не просто теоретическим казусом; оно получило вполне практическое применение в процессе российской приватизации.

Далее Мизес раскрывает содержание прав собственности независимо от способа ее приобретения. «Права собственности, очерченные законами и защищенные судебной системой и полицией, представляют собой продукт вековой эволюции». Он убежден, что «право собственности должно давать собственнику право претендовать на все выгоды, которые могут быть порождены использованием данного блага, с одной стороны, и возлагать на него весь ущерб от его использования с другой. Только тогда собственник будет нести полную ответственность за результат». При этом во всех возможных отклонениях от эффективного использования собственности на благо потребителей, Мизес, согласно своей логике, обвиняет государство, а не собственника. «Его поведение будет отклоняться от линии, которой оно следовало бы, если бы законы лучше соответствовали экономическим целям частной собственности» [32, с.242].

Довольно спорным даже для современной Мизесу экономики является идеалистическое утверждение: «Рынок – последняя инстанция. Рынок в одиночку упорядочивает всю общественную систему и придает ей смысл и значение» [32, с.265]. Он довольно схематично и идеалистически описывает функционирование рыночного механизма. «Рыночный процесс является согласованием отдельных действий множества членов рыночного сообщества с требованиями взаимного сотрудничества. Рыночные цены сообщают производителям, что производить, как производить и в каком количестве. Рынок это фокус, в котором сходится деятельность индивидов, центр, из которого расходится деятельность индивидов» [32, с.266].

В своем анализе рынка Мизес, по сути дела, отменяет невидимую руку Адама Смита. «Принято метафорически говорить об автоматических и анонимных силах, приводящих в действие механизм рынка. Используя подобные метафоры, люди готовы пренебречь тем, что единственными движущими силами, управляющими рынком и определением цен, являются намеренные действия людей. Автоматизма не существует; есть только люди, сознательно и осмысленно стремящиеся к выбранным целям» [32, с.226].

Понимание конкуренции Мизесом также является отходом от классической политической экономии, и это не случайно. «Концепция конкуренции не включает в себя требование наличия множества конкурирующих субъектов. Конкуренция это всегда соревнование одного человека или фирмы с другим человеком или фирмой, независимо от того, сколько этих других состязаются за один и тот же приз» [32, с.295]. Мизес пошел на это отступничество сознательно, понимая, что в условиях монополизации капиталистической экономики необходимо пожертвовать чем-то из либерального арсенала. Либо конкуренцией, либо самим свободным рынком, хотя последний без первого такой же нонсенс, как нетающий лед. Чтобы прикрыть зияющую дыру в рыночной идеологии, Мизес идет на подлог, обвиняя в монополизации своего извечного врага – государство. Здесь Мизес прокладывает дорогу неолиберализму, который упорно не «замечает» противоречия между монополизацией и свободным рынком. Он утверждает: «Проблема монополии, стоящая сегодня перед человечеством, не является результатом действия рыночной экономики. Она продукт целенаправленной деятельности правительства» [32, с.299].

Третьей логической парой в либеральном учении Мизеса является свобода – государство. «Концепции личной свободы и зависимости имеют смысл только по отношению к функционированию государства» [32, с.202]. Он весьма неохотно допускает змия государство в рыночный рай, предупреждая, что «Государство общественный аппарат сдерживания и принуждения неизбежно представляет собой гегемонистский орган. Если бы правительство было в состоянии расширять свою власть по желанию, оно могло бы упразднить рыночную экономику и заменить ее во всех отношениях тоталитарным социализмом. Чтобы не допустить этого, необходимо ограничивать власть правительства. Это задача всех конституций, биллей о правах и законов. В этом смысл всех сражений за политическую свободу, которые вели люди» [32, с.204].

Какие же функции Мизес оставляет за государством? «Государство общественный аппарат сдерживания и принуждения не вмешивается в рынок и в деятельность людей, направляемых рынком. Оно применяет силу, заставляющую людей подчиняться, только для предотвращения действий, приносящих вред сохранению и спокойному функционированию рыночной экономики... Государство создает и оберегает среду, в которой рыночная экономика может благополучно функционировать» [32, с.204]. Таким образом, минимальное либеральное государство должно служить телохранителем рынка. Теперь понятно, по какому лекалу выкраивал Гайдар пореформенное государство в своей книге «Государство и эволюция».

Кульминацией исследования Мизеса является анализ четвертой логической связки государство – собственность. Здесь появляется некоторое разнообразие. Во-первых, два антагониста – капитализм и социализм. «Рыночная экономика, или, как ее часто называют, капитализм и социалистическая экономика исключают друг друга». Во-вторых, существуют различные формы смешанной экономики, которые он решительно отвергает. «Никакое смещение этих двух систем невозможно и непредставимо; смешанной экономики, системы, частично являющейся капиталистической, а частично социалистической, не существует» [32, с.266]. В-третьих, «Система деформированной рыночной экономики, или интервенционизма нацелена на сохранение дуализма различных сфер деятельности государства, с одной стороны, и экономической свободы в условиях рыночной экономики с другой... Государство своими приказами и запретами вмешивается в ход экономической жизни» [32, с. 530].

Термин интервенционизм говорит сам за себя. Государство – интервент, враг рыночной экономики. С проблематикой интервенционизма Мизес связывает проблемы коррупции, перераспределения доходов и налогов. Он так и пишет: «Коррупция является постоянным спутником интервенционизма» [32, с. 530]. С легкой руки Мизеса проблема коррупции истинной или мнимой широко используется США и их сателлитами для борьбы с неудобными правительствами, как внутренними, так и внешними противниками [58, с.39-51].

Мизес непримиримый противник государства благосостояния и вообще любых социальных функций государства. «Сущность интервенционистской политики состоит в том, чтобы взять у одной группы и отдать другой. Она суть конфискация и распределение. Любая мера в конечном итоге оправдывается заявлением, что было бы справедливо обуздать богатых ради блага бедных» [32, с.543—544]. В полном согласии со своим мировоззрением, Мизес считает налоги конфискацией богатства. «Государства должны прибегать к помощи налогообложения, т.е. они должны собрать доходы путем принуждения подданных к отказу от части их богатства и доходов [32, с.552]. Вспомним, что Гайдар называл налогообложение государственным рэкетом.

Особое неприятие у Мизеса вызывает прогрессивное налогообложение. «Система дискриминационного налогообложения, принятая повсеместно под вводящим в заблуждение названием прогрессивного налогообложения доходов и наследства, не является одним из методов налогообложения. Скорее она представляет собой метод замаскированной экспроприации добившихся успеха капиталистов и предпринимателей» [32, с.598]. Следует отметить, что современные нелиберальные государства, следуя заветам Мизеса, всячески стремятся переложить налоговое бремя с богатых на бедных. Особенно преуспел в этом Дональд Трамп.

Мизес резюмирует свое описание различных форм хозяйствования вполне ожидаемым образом. В своей патологической ненависти к социализму он противопоставляет идеально пасторальную картинку капитализма исчадию ада в лице социализма. При этом ненависть лишает его способности к анализу. Поскольку в его учении частная собственность – это квинтэссенция не только капитализма, но и цивилизации в целом, он считает, что ее превосходство над общественной собственностью – это аксиома не требующая доказательств.

По сравнению с «Человеческой деятельностью» книга «Либерализм» является более полемически заостренной, политизированной и откровенно циничной. Многие темы и оценки перекочевали из предыдущего трактата, однако, есть, если так можно выразиться, и «научная новизна». Таковой в «Либерализме» является апология либеральной глобализации, которую позже возьмут на вооружение нелиберальные правительства. «Либерализм не останавливается на ограниченных группах, он не заканчивается на границе деревни, провинции, страны или континента. Его мышление отличается космополитичностью и всемирностью: оно вбирает в себя всех людей и весь мир. Либерализм в этом смысле является гуманистическим учением, а либерал – гражданином мира или космополитом» [30, с.103—104].

В заключение краткого очерка либеральной экономики и философии Мизеса хотелось бы остановиться на такой новой по сравнению с «Человеческой деятельностью» теме, как зоологическая ненависть к России. Можно было бы ожидать, что она является развитием и продолжением его отрицания социализма. Однако Мизес ненавидел не только СССР, но и дореволюционную Россию. Думаю, будь он жив, еще пуще бы ненавидел нашу страну сегодня. В главе «Россия» он пишет: «Есть нации, у которых остались неустойчивые атавистические порывы к грабежу и насилию... Сегодня есть только одна великая нация, которая твердо придерживается милитаристского идеала, а именно русские... С того самого момента, когда Россия начала влиять на европейскую политику, она неизменно вела себя как разбойник в засаде, готовый внезапно наброситься на свою жертву и ограбить ее. Никогда российские цари не признавали никаких других ограничений для расширения своей империи, кроме продиктованных силой обстоятельств. Позиция большевиков в отношении территориальной экспансии не отличается ни на йоту» [30, с.145].

Отметим два важных момента. Во-первых, «Либерализм» был издан в 1962 году, т.е. после двух мировых войн, где агрессором была отнюдь не Россия. Во-вторых, Мизес эмигрировал в США, спасаясь от фашизма, а не сталинизма. Свою иррациональную ненависть он подкрепляет измышлениями наподобие следующего. «... Россия не желает войти в систему человеческого социального сотрудничества. В отношении человеческого общества и сообще-

ства наций ее позиция – это позиция народа, нацеленного исключительно на потребление того, что накопили другие. Люди, жизненной силой которых являются идеи Достоевского, Толстого и Ленина, не могут создать прочную социальную организацию. Их удел – возвратиться к условиям полного варварства». Он рекомендует политикам, «руководящий принцип политики цивилизованных наций в отношении России. Пусть русские будут русскими. Пусть они творят, что хотят в своей собственной стране. Но нельзя позволить им переходить границы своей земли с целью уничтожить европейскую цивилизацию». В экономической сфере его завет заключается в том, что «правительства Европы и Америки должны прекратить содействовать советской политике разрушения, поощряя экспорт в Советскую Россию и тем самым укрепляя советский строй в России с помощью финансовых вкладов. Пусть они прекратят пропаганду эмиграции и экспорта капитала в Советскую Россию» [30, с.146—147]. Написано в прошлом веке, а как будто сегодня в оправдание политики Трампа, НАТО и иже с ними!

Русофобию неолибералов первой волны, в большинстве своем эмигрантов из Европы, можно объяснить их глубоко личными историями, иррациональными страхами и психологическими травмами. Впоследствии русофобия стала безличной силой и была возведена в абсолют западной пропагандистской машиной.

2.3. Дискуссия об экономическом расчете в социалистической экономике

*Я хочу, чтоб в дебатах потел Госплан, мне давая задания на год.
Я хочу, чтоб над мыслью времен комиссар с приказанием нависал.
Владимир Маяковский, «Домой!» (1925)*

В книге «Человеческая деятельность» Мизес отвергает все формы хозяйственной жизни, кроме рыночной экономики, которая, как показывает практика, также не существует в чистом виде. Таким образом, великий либерал запер себя в квадратуру круга. Остановимся подробнее на его тезисе о неосуществимости социализма. «Рыночная система является единственной системой экономической организации общества, которая может функционировать и которая реально функционирует. Социализм неосуществим вследствие его неспособности выработать метод экономического расчета». Что представляет собой этот таинственный метод, недоступный социалистическому правительству? «Денежный расчет является методом вычислений, применяемым людьми, которые действуют в обществе, основанном на частном контроле за средствами производства» [32, с.169]. Вот она партийность экономической теории по Мизесу! Сразу же напрашивается законный вопрос: почему социалистические предприятия не могут производить расчеты?

Следует отметить, что Мизес рассматривал экономический расчет в широком смысле, а не только как чисто технический метод учета и анализа. Он подробно рассмотрел данный аргумент в более ранней статье «Экономический расчет в социалистическом содружестве» (1920), в которой развил идеи, высказанные в лекции, прочитанной в 1919 году. Он polemизирует с Отто Нейратом, австрийским философом, социологом и экономистом. Нейрат был членом Социал-демократической партии Германии и во время Первой мировой войны руководил службой центрального экономического планирования в Мюнхене. В 1919 году Нейрат обобщил свой практический опыт и мысли о планировании в статье «Экономика в натуральном выражении. Расчеты в натуральной форме и их связь с военной экономикой» [178, с.299—311]. Очевидно, что такая публикация не могла не привлечь внимание и не вызвать негодование Мизеса.

Мизес считает свой довод беспроегрешным потому, что «система экономического расчета в денежных терминах обусловлена определенными общественными институтами. Она

может действовать только в институциональном окружении разделения труда и частной собственности на средства производства, когда товары и услуги всех порядков покупаются и продаются против повсеместно используемого средства обмена, т.е. денег» [32, с.169]. Хотелось бы отметить, что будучи гражданином Советского Союза, я не питала особых иллюзий насчет преимуществ централизованного планирования и способностях Госплана СССР оптимально распределять ресурсы. Параллельно с «Капиталом» Карла Маркса мы читали «Дефицит» Яноша Корнаи. Однако выводить из этого неосуществимость страны, которая реально просуществовала почти 80 лет, это уже перебор! Если бы Мизес потрудился найти более правдоподобные доводы, я бы, возможно, с ним согласилась. Или, по крайней мере, постаралась бы их подтвердить или опровергнуть.

Позднее Хайек издал книгу «Коллективистское экономическое планирование: критическое исследование возможностей социализма», к которой написал обширную вводную часть и подвел промежуточные, как оказалось, итоги в главе «Современное состояние дискуссии».

Остановлюсь на содержании этого сборника подробнее потому, что в ней делается единственная (насколько мне известно) серьезная попытка научно доказать невозможность социализма вообще и более высокой эффективности частной собственности по сравнению с государственной, в частности. Начнем с культовой статьи Мизеса 1920 года, включенной в сборник. Не могу отказать себе в удовольствии полностью процитировать вступительную фразу. «Экономика как таковая слишком редко фигурирует в гламурных картинах, написанных утопистами. Они неизменно описывают, как в кукушечных странах их заоблачных фантазий жареные голуби каким-то образом залетают в уста товарищей, но не объясняют, как происходит это чудо» [166, с.89]. В этой связи следует отметить, что в трудах Мизеса, по большому счету, фигурируют два образа социализма. Первый собирательный образ сконструирован в полемике с социалистами всех мастей, начиная с Карла Маркса. Второй представляет собой гипотетическую модель, созданную специально для удобства критики, и в силу этого довольно примитивную и схематичную, больше всего напоминающую пугало на деревенском поле. И вот на этого страшила эlegantный австриец примеряет свой экономический расчет.

В чем смысл экономического расчета и почему Мизес и его адепты возлагали такие надежды на этот аргумент в полемике с социалистами? Надо сказать, что сам он так и не объяснил причину этого. Его стиль изложения крайне труден для толкования, и чтобы понять, что он имел в виду, нужно буквально читать между строк. Как вспоминает Хайек в кратком предисловии к «Социализму» Мизеса, «аргументы Мизеса было не так-то легко воспринять. Порой требовались личные контакты и обсуждения, чтобы понять их полностью. При том, что они были изложены обманчиво простым языком, изучающему требовалось еще и понимание экономических процессов – качество, встречающееся не так уж часто. Эта трудность особенно ясна в случае с его основным аргументом о невозможности экономических расчетов при социализме» [31]. Если его соотечественник, современник и ближайший сподвижник испытывал трудности с пониманием, то каково же приходится читателю через 100 лет! При этом еще нужно учесть «трудности перевода» с немецкого на английский язык, а затем на русский.

В подразделе «Природа экономического расчета» Мизес ограничивается лишь лаконичной фразой. «Каждый человек, который в процессе экономической жизни делает выбор между удовлетворением одной потребности по сравнению с другой, т.е. делает заключение о ценности» [166, с.95]. Понятно, что здесь имеются в виду сопоставление альтернативных затрат, знакомых нам по элементарному курсу микроэкономики. При этом вдумчивый читатель должен сам догадаться, что для того, чтобы сделать выбор, экономический субъект должен произвести тот самый экономический расчет! И действительно, дальше автор описывает методологические основы расчета при капитализме.

Далее Мизес объясняет необходимость, преимущества, а также ограничения денежного расчета. «Денежный расчет имеет значение только в сфере экономической организации. Это

система, посредством которой экономические правила могут применяться при размещении экономических благ. Его нельзя рассматривать как своего рода критерий оценки товаров, и его нельзя рассматривать в исторических исследованиях развития социальных отношений; его нельзя использовать в качестве критерия национального богатства и дохода, а также в качестве средства измерения стоимости товаров, которые находятся за пределами сферы обмена... Тем не менее в этих пределах, которые в экономической жизни он никогда не преступает, денежный расчет удовлетворяет всем требованиям экономического расчета». С этим утверждением трудно поспорить. Однако следующие умозаключения, являются достаточно дискуссионными. Он рассматривается «два условия, регулирующие возможность расчета стоимости в денежном выражении. Во-первых, в сферу обмена должны входить не только блага более низкого, но и более высокого порядка... Без этого обменные отношения не возникнут». Здесь нужно пояснить, что под благами высокого порядка он понимает средства производства, а под благами более низкого порядка – предметы потребления. Об этом он пишет не в своей первоначальной статье, а в более позднем «Социализме». Получается типа палимпсеста наоборот. Первичный смысл протупает не сквозь написанный текст, а в последующей работе. «Второе условие заключается в том, что существует универсально используемое средство обмена, а именно деньги, которые играют ту же роль средства обмена производственными товарами. Иначе было бы невозможно свести все обменные отношения к общему знаменателю» [166, с.100—103].

Между первым и вторым условиями Мизес помещает некую промежуточную, добавочную предпосылку, которая, на самом деле, является в его понимании решающей. «Ни один человек не может овладеть всеми бесчисленными возможностями производства так, чтобы быть в состоянии сразу же сделать очевидные оценочные суждения без помощи какой-либо системы вычислений... Это можно сделать только с помощью какого-то экономического расчета. Человеческий разум не сможет без такой помощи должным образом ориентироваться среди сбивающей с толку массы промежуточных продуктов и возможностей производства» [166, с.102—103].

Приговор Мизеса окончателен и обжалованию не подлежит. «Без экономического расчета не может быть экономики. Следовательно, в социалистическом государстве, где осуществление экономического расчета невозможно, не может быть никакой экономики в нашем понимании термина... Не будет средства для определения того, что является рациональным, и, следовательно, производство никогда не может руководствоваться экономическими соображениями» [166, с.105]. У ошеломленного читателя остается смутное впечатление, что он упустил какие-то звенья из высоконаучных рассуждений. И только через несколько страниц Мизес снисходит до объяснения. Он даже милостиво допускает, что «орган управления может установить стоимость, достигнутую совокупностью средств производства; это, очевидно, совпадает со всеми удовлетворенными потребностями. Он также сможет рассчитать стоимость любого средства производства путем расчета последствий его изъятия по отношению к удовлетворению потребностей. Тем не менее, он не сможет свести это значение к единообразному выражению денежной цены, как это может сделать конкурентная экономика, в которой все цены можно свести к общему знаменателю в денежном выражении. В социалистическом содружестве, которое... считает невозможным использование денег для выражения цены факторов производства (включая труд), деньги не могут играть никакой роли в экономическом расчете» [166, с.107—108].

В конечном счете, вся конструкция Мизеса зиждется на довольно шаткой основе, а именно предпосылке, что при социализме деньги будут исключены из товарного оборота. Здесь мне могут возразить, что классики марксизма действительно высказывались о возможности отмены денег при коммунизме. Однако, во-первых, Мизес доказывает невозможность именно социализма, а не коммунизма. Книга так и называется «Социализм»! Во-вторых,

в момент написания статьи и книги уже существовала Советская Россия и деньги там никто не отменял. Более того, Мизес не отказался от этого утверждения и в книге «Человеческая деятельность», где я, собственно говоря, и обнаружила этот перл. Кстати, в конце статьи он проявляет осведомленность о существовании денег в России. «Даже [советское] правительство не может отрицать их необходимость и сохранить денежную систему как минимум на переходный период, что подтверждается увеличением количества денег в обращении». В дальнейшем он все-таки разъясняет, почему невозможно измерить без денег стоимость факторов производства. «Отношения обмена между производственными благами могут быть установлены только на основе частной собственности на средства производства» [166, с. 112—113]. Раз нет частной собственности, значит нет обмена.

Мизес указывает, что «в экономике обмена объективная меновая стоимость товара выступает в качестве единицы экономического расчета» [166, с.98]. Поскольку австрийская школа в отличие от Адама Смита и марксизма базируется на теории предельной полезности, то вполне ожидаемо, что он считает невозможным измерение стоимости на основе исчисления затрат труда. Он полагает, что «трудовые» калькуляции бесполезны потому, что в них, во-первых, «совершенно не учитывается, например, потребление материальных факторов производства». Вторым недостатком в расчетах в трудовом выражении он считает «игнорирование различных качеств труда. Для Маркса весь человеческий труд экономически одинаков» [166, с. 113—114]. Здесь Мизес намеренно игнорирует разработанные Марксом в первом томе «Капитала» концепции живого и овеществленного труда, а также простого и сложного труда, которые как раз и позволяют произвести сопоставление этих категорий труда.

В статье «Характер и история проблемы», которая открывает упомянутый сборник, Хайек объясняет неолиберальное видение сути проблемы планирования и экономического расчета при социализме. В отличие от Мизеса он ясно дает понять, что суть проблемы в эффективности использования ресурсов. Он пишет: «возникает экономическая проблема, поскольку различные цели конкурируют за доступные ресурсы. И критерием ее присутствия является то, что издержки должны быть приняты во внимание. Затраты здесь, как и везде, означают не что иное, как преимущества, которые можно извлечь из использования данных ресурсов при других применениях... Ясно, что решения такого рода должны приниматься в любой мыслимой экономической системе, где приходится выбирать между альтернативным использованием данных ресурсов» [137, с.6].

В итоговой главе сборника «Современное состояние дискуссии» Хайек в известной мере дезавуирует основные положения Мизеса оговоркой: «нет необходимости напоминать здесь читателю, что не сама возможность планирования как такового, ставилась под сомнение на основании общих соображений, а возможность успешного планирования, достижения целей, для которых было предпринято планирование» [137, с.203]. Оказывается, что и социализм возможен, и планирование осуществимо. Высказываются сомнения лишь в успешности последнего. Разумеется, это зависит от применяемых критериев. Он формулирует «два законных критерия успеха: товары, которые система фактически поставляет потребителю, и рациональность или иррациональность решений центральной власти. Не может быть никаких сомнений в том, что первый тест в любом случае приведет к отрицательному результату, если он будет применяться ко всему населению, а не к небольшой привилегированной группе» [137, с.205].

В подразделе с интригующим названием «Уроки российского эксперимента» Хайек еще больше себя подстраховывает. «Нет никаких оснований ожидать, что производство остановится или что власти столкнутся с трудностями при использовании всех доступных ресурсов, или даже что объем производства будет постоянно ниже, чем был до начала планирования. Чего следует ожидать, так это того, что объем производства, при котором использование имеющихся ресурсов было определено неким центральным органом, будет ниже, чем при свобод-

ном функционировании механизма цен на рынке при прочих равных условиях». И далее следует загадочная фраза. «Во многих случаях использование новейших методов производства, которые не могли бы применяться без централизованного планирования, было бы скорее признаком нецелевого использования ресурсов, а не доказательством успеха» [138, с.204].

По этой логике получается, что «Сделано в СССР» – это своего рода позорное клеймо неэффективности и нецелесообразности. С этой позиции характерно следующее высказывание. «Отсюда следует, что превосходство с технологической точки зрения некоторых элементов российского промышленного оборудования, которое больше всего поражает случайного наблюдателя и которое обычно рассматривается как свидетельство успеха, имеет мало значения в том, что касается ответа на вопрос. Центральный вопрос заключается в том, будет ли новый завод полезным звеном в структуре промышленности для увеличения производства, зависит не только от технологических соображений, но даже больше от общей экономической ситуации. Лучший тракторный завод не может быть активом, а вложенный в него капитал будет полной потерей, если труд, который заменяет трактор, дешевле, чем стоимость материала и труда, которые идут на изготовление трактора, плюс ставка процента» [138, с.204—205]. Однако, если бы при социализме использовался, в основном, неквалифицированный ручной труд, это также было бы доказательством неэффективности.

После довольно поверхностного и спорного обзора «русского эксперимента» Хайек подвергает критике возможность математического решения проблемы. Дело в том, что сразу после публикации статьи Мизеса, его атаковали социалисты с предложениями решить проблему планирования и экономического расчета при социализме с использованием математического аппарата. «Их анализ... был направлен на то, чтобы показать, что при условии полного знания всех соответствующих данных можно определить стоимость и количество различных товаров, подлежащих производству путем применения аппарата, с помощью которого теоретическая экономика объясняет формирование цен и управление производством в конкурентной системе» [138, с.206]. Хайек, скрепя сердце, вынужден признать, что это невозможно не потому, что «логически противоречиво», а потому что технически не осуществимо. «Ясно, что любое такое решение должно основываться на решении такой системы уравнений, которая была разработана в статье Бароне. Здесь практически не важна формальная структура этой системы, но характер и объем конкретной информации, необходимой для численного решения, и масштабы задачи, которую это численное решение должно включать в любом современном сообществе» [138, с.210].

При этом Хайек намеренно гипертрофирует задачу, воображая, что единый центральный орган должен планировать производство по всей производственной цепочке и распределение каждого вида потребительских благ чуть ли не поштучно. Задача поистине титаническая, если принять на веру рассуждения Хайека. «Теперь величина этой важной математической операции будет зависеть от количества неизвестных, которые будут определены. Количество этих неизвестных будет равно количеству товаров, которые должны быть произведены. Это означает, что в каждый последующий момент каждое из решений должно основываться на решении равного числа одновременных дифференциальных уравнений, задача, которую с помощью любого из известных в настоящее время средств невозможно выполнить. И все же эти решения должны не только приниматься постоянно, но и постоянно передаваться тем, кто должен их выполнять». Устрашив читателя циклопическим масштабом задачи, Хайек делает вывод: «Маловероятно, чтобы кто-либо, осознавший масштаб поставленной задачи, всерьез предложил систему планирования, основанную на комплексных системах уравнений» [138, с. 212—213].

Резюмируя доводы Мизеса-Хайека о невозможности экономического расчета при социализме, можно построить следующую логическую цепочку. Расчет невозможен потому, что они отказывают социализму в возможности определять стоимость факторов производства, как

в денежном, так и в трудовом выражении. Центральный управляющий орган не может принимать решения о распределении ресурсов в натуральном выражении из-за колоссального объема вычислений.

О возможности планирования и расчета при социализме

Пионером экономико-математического подхода к планированию является итальянский экономист Энрико Бароне, который еще в 1908 году написал статью с примечательным названием «Министерство производства в коллективистском государстве». Его статья в течение долгого времени рассматривалась как курьез. Однако после опубликования в 1935 году на английском языке в сборнике Хайека, хотя и в аппендиксе, ее автора наряду с фон Визером и Парето причислили к основателям чистой теории социалистической экономики.

Энрико Бароне (1859—1924), итальянский военный историк и экономист, последователь Вальраса и Парето. В 1902—1906 гг. был начальником исторического управления Генерального штаба Итальянских Вооруженных Сил [88].

По-военному точно и лаконично Бароне изложил свои идеи в 62 тезисах. Он сразу берет быка за рога и четко ставит задачу: «При рассмотрении производства в коллективистском государстве есть два вопроса, совершенно отличных друг от друга. Первый вопрос: будет ли выгодно, чтобы часть капитала стала коллективной собственностью, а производство было обобществлено? Второе: как при коллективистском режиме необходимо управлять производством?». При этом он предупреждает: «я не выступаю за или против коллективизма». После витиеватых ученых пассажей Мизеса и Хайека освежающе звучат слова: «В этой статье я использую математику по той простой причине, что не знаю другого метода, который с одинаковой точностью и краткостью позволяет поставить определенные вопросы в однозначных терминах и дать точное изложение определенных положений...» [78, с.245].

В методологическом плане Бароне решительно отмежевывается от либерализма, возражая тем, кто считает, что «математическая школа и австрийская школа идентичны, и что первая должна обязательно использовать некоторые из фундаментальных концепций последней. Я предполагаю доказать также, что для определения экономического равновесия – будь то в режиме свободной конкуренции, в режиме монополии или в коллективистском государстве – нет необходимости прибегать к понятиям полезности, предельной полезности, и тому подобное. При этом также нет необходимости прибегать к концепции Парето о кривой безразличия, хотя она представляет собой заметный шаг в освобождении математической школы от всего, что кажется метафизическим. Старые и простые идеи спроса, предложения и себестоимости продукции достаточны не только для построения системы уравнений для наиболее важных взаимосвязей экономических величин, но и для рассмотрения различных динамических вопросов, связанных с большим или меньшим благосостоянием отдельных лиц и сообщества» [78, с.265].

По замыслу Бароне, министерство производства «должно решить проблему объединения индивидуальных и коллективных услуг, чтобы обеспечить максимальное благосостояние своих граждан». При этом «формула распределения может быть воплощена в определенном законе, в соответствии с которым распределяется между членами сообщества то, что при старом режиме [рыночной экономике] было отдачей от ресурсов и теперь присваивается государством, и то, что было прибылью различных предприятий и в настоящее время администрируется непосредственно государством. Позже мы увидим, может ли весь этот доход быть эффективно распределен в обществе» [78, с. 265—266].

Он использует усовершенствованный им математический аппарат Парето для построения двух моделей: 1) индивидуалистический режим и 2) коллективистский режим. Его главный вывод заключается в том, что «если министерство производства предполагает получить коллективный максимум..., независимо от того, какой закон распределения может быть при-

нят, то все экономические категории старого режима должны появиться вновь, хотя, возможно, и с другими названиями: цены, зарплаты, ставка процента, рента, прибыль, сбережения и т.д.» [78, с.268].

Таким образом, позиция Бароне, к которой позже присоединились Тейлор и Ланге, заключалась в том, что агентство по планированию в коллективистском государстве при определенных условиях действительно имеет возможность рассчитать цены для достижения максимальной эффективности. Хотя он не считал, что это могло быть сделано лучше, чем в капиталистической экономике.

Примечательно, что утверждение Мизеса о неосуществимости социализма, с одной стороны, и модель Бароне, с другой, вызвали оживленные научные диспуты, которые получили название «Дискуссия об экономическом расчёте в социалистической экономике». Против австрийской школы, представленной Мизесом и Хайеком, выступили неоклассические и марксистские экономисты, такие как, Клэр Тиш, Оскар Ланге, Абба Лернер, Фред Тейлор, Генри Дуглас-Дикинсон и Морис Добб, которые утверждали, что социализм не только осуществим, но и превосходит капитализм.

Наиболее известным на Западе оппонентом Мизеса-Хайека является польский экономист и политический деятель Оскар Ланге. В 1938 году он опубликовал книгу «Об экономической теории социализма». Он построил модель рыночного социализма, при которой цены директивно приравнивались к предельным издержкам производства, а управляющие предприятий стремились к максимизации прибыли. Как и Бароне, Ланге приводит аргументы о том, что стандартная теория совершенной конкуренции не зависит от частной или общественной формы собственности [3]. Модель Ланге (или теорема Ланге—Лернера) является неоклассической экономической моделью для гипотетической социалистической экономики, основанной на общественной собственности на средства производства. В этой модели государство владеет нетрудовыми факторами производства, а рынки распределяют конечные и потребительские товары. Модель Ланге демонстрирует, что если все производство осуществляется государственным органом и существует функционирующий ценовой механизм, эта экономика будет Парето-эффективной, как и гипотетическая рыночная экономика в условиях совершенной конкуренции.

Примечательно, что ни Мизес, ни Хайек не ответили на вызов Ланге. Мизес был категорически против математизации экономической теории и поэтому не мог дать бой на этом поле. Фридман подверг критике модель Ланге по методологическим соображениям. По его мнению, модель основывается на «моделях воображаемых миров», а не на «обобщениях о реальном мире», что делает утверждения модели невосприимчивыми к фальсификации. Он также раскритиковал модель на идейных основаниях, указав, что любая система, которая устанавливает государственную собственность на предприятие, требует постоянного вмешательства со стороны государства [123]. Представляется, что модель необходимо рассматривать с точки зрения ее математического аппарата и алгоритма, а не с общетеоретических позиций. Таким образом, можно сделать вывод, что корифеи неоллиберализма потерпели поражение в дискуссии об экономическом расчёте в социалистической экономике, которую сами инициировали.

В то время как представители австрийской школы бесплодно дискутировали об экономическом расчёте в социалистической экономике, в СССР успешно развивалась школа экономико-математических методов в экономике. В октябре 1925 года Василий Леонтьев опубликовал в немецком журнале статью о первом балансе народного хозяйства СССР за 1923—1924 годы. Сокращенный перевод статьи под названием «Баланс народного хозяйства СССР» был напечатан в журнале «Плановое хозяйство» в №12 за 1925 год [27]. В 1973 году Леонтьеву была присуждена Нобелевская премия по экономике «за развитие метода „затраты-выпуск“ и применение его к важнейшим экономическим проблемам». В нобелевской речи он представил глобальную межотраслевую модель, ставшую отправной точкой проекта «Буду-

щее мировой экономики», над которым по заказу Секретариата ООН в течение четырех лет работала группа специалистов во главе с лауреатом. С помощью глобальной модели «затраты-выпуск» (15 регионов, 45 отраслей) рассчитывались и анализировались сценарии мирового развития в 1980—2000 гг. [14].

В 1939 году советский математик Леонид Канторович издал книгу «Математические методы организации и планирования производства», а в 1959 году «Экономический расчёт наилучшего использования ресурсов». Автор применил теорию линейного программирования не только к проблеме сочетания производственных ресурсов предприятия, но также и к оптимального макроэкономическому равновесию. Канторовичу и американскому ученому Тьяллингу Купмансу была присуждена премия Нобеля по экономике «за вклад в теорию оптимального распределения ограниченных ресурсов» в 1975 году, т.е. на следующий год после Хайека. На церемонии вручения премии представитель Шведской королевской академии наук Рагнар Бентцель отметил, что работы двух лауреатов являются свидетельством того, что «основные экономические проблемы могут изучаться в чисто научном плане, независимо от политической организации общества, в котором они исследуются» [195]. В Нобелевской лекции «Математика в экономике: достижения, трудности, перспективы» Канторович говорил о «проблемах и опыте плановой экономики, в частности, советской экономики» [161].

Виктор Новожилов (1892—1970) и Василий Немчинов (1894—1964), опираясь на методы линейного программирования, разработали систему оптимального функционирования экономики (СОФЭ) и выдвинули идею перехода от концепции оптимального планирования к теории оптимального функционирования народного хозяйства. Под руководством Немчинова велось экономическое обоснование освоения природных ресурсов восточных районов страны. В 1959 году в ЦСУ СССР под руководством М.Р.Эйдельмана был разработан первый в мире отчетный межотраслевой баланс в натуральном выражении (по 157 продуктам) и отчетный межотраслевой баланс в стоимостном выражении (по 83 отраслям). Первые плановые межотраслевые балансы в стоимостном и натуральном выражении были построены в 1962 году.

Начиная с 1970 годов, в СССР параллельно с экономико-математическими исследованиями оптимального использования ресурсов и оптимального планирования успешно развивалась военная школа программно-целевого планирования в сфере развития вооружения и военной техники [16].

Примечательно, что дискуссия об экономическом расчете продолжается и в наши дни. Новое вино в старые мехи подливает развитие вычислительных систем для координации процессов в сложных экономических системах. Наиболее интересными, на мой взгляд, являются два направления: кибернетическая координация и сетевая цифровая обратная связь.

Пол Кокшотт, Аллин Коттрелл и Энди Поллак в книге с характерным названием «На пути к новому социализму» предложили использовать новые формы координации для нерыночного социализма, основанные на современных информационных технологиях. Они утверждают, что экономическое планирование физических объемов без какой-либо привязки к деньгам или ценам может быть осуществлено на основе вычислений с использованием высокопроизводительных компьютеров, доступных для физики элементарных частиц или прогнозирования погоды. Кибернетическое планирование включает в себя априорное моделирование процесса достижения равновесия, к которому стремятся идеализированные рынки [96, с.86].

Питер Джозеф в книге «Новое правозащитное движение: возрождение экономики для прекращения угнетения» показывает необходимость перехода от фрагментированной передачи экономических данных к полностью интегрированным цифровым системам на основе сенсорных сетей [157, с. 265]. В экономическом контексте этот подход может передавать и связывать данные о том, как лучше всего управлять ресурсами, производственными процессами, распределением, потреблением, переработкой, потребительским спросом, утилиза-

цией отходов и так далее. Такой процесс сетевой экономической обратной связи будет работать по тому же принципу, что и современные системы инвентаризации и распределения, используемые на крупных коммерческих складах. Марк Эпплгейт объяснил в своей статье, как решить проблему управления запасами комплексных производственно-торговых систем буквально в два клика мышкой [67].

Мизес и Хайек очень бы удивились, узнав, что цена больше не нужна для получения критической экономической обратной связи, и более того информация, сообщаемая ценой, становится запоздалой и неполной с точки зрения экономических мер, необходимых для повышения эффективности. Методы сетевых цифровых систем обратной связи, позволяют эффективно контролировать изменяющиеся предпочтения потребителей, спрос, предложение и стоимость рабочей силы практически в режиме реального времени. Такие методы успешно используются многонациональными корпорациями, такими как, Apple, WalMart, Adidas и Amazon, которые имеют производственные и коммерческие подразделения по всему миру, и чьи масштабы сопоставимы, а зачастую превышают экономики отдельных государств.

Кстати, именно слабая научная обоснованность тезиса о неосуществимости экономического расчета при социализме послужила одной из причин того, что академическое сообщество в Европе отвернулось от Мизеса и Хайека. Об этом пишет Томас Хазлетт в предисловии к интервью с Хайеком. «Знаменитая полемика о социалистическом расчете была вызвана критикой центрального планирования австрийской школой. В 1920-1940-х гг. Хайек и его соотечественник Мизес утверждали, что социализм обречен на провал как экономическая система, потому что только свободные рынки могут генерировать информацию, необходимую для разумной координации социального поведения. Другими словами, свобода является необходимым вкладом в процветающую экономику. Однако теоретики-социалисты доказали, что централизованное планирование может быть усовершенствовано так, чтобы с помощью действительно больших компьютеров разрешить ту самую информационную проблему, на которую указал Хайек в элегантном эссе, опубликованном в „Американском экономическом обзоре“ в 1945 году» [140]. По мнению Хазлетта, этот второй провал Хайека после проигрыша в заочной дуэли с Кейнсом заставил его навсегда retirроваться из экономической науки.

В 2000 году эстафету Хайека подхватил Питер Беттке, президент Общества Мон Пелерин с 2016 года. Под его руководством была издана антология «Социализм и рынок: вновь о социалистическом расчете» в 9 томах [214]. Это свидетельствует о том, что дискуссия о социалистическом расчете, начатая с легкой руки Мизеса, не только не заглохла, но прирастает все новыми оппонентами. Примечательно, что в первый том «Натуральная экономика» включены труды Маркса, Энгельса, Ленина, Бухарина и Нейрата. В последнем же томе «Текущее состояние дискуссии» наряду с современными неолиберальными авторами можно прочитать статью их противников Коттрелла и Кокшота.

2.4. Дорога к рабству: туда и обратно

Его ярость была неопишима – ярость богача, имеющего больше, чем он в состоянии воспользоваться, и вдруг теряющего то, что ему даже нужно не было.

Джон Р. Толкин, «Хоббит, или Туда и обратно» (1937)

Культовую книгу «Дорога к рабству» Хайек писал в разгар Второй мировой войны. Впервые она была опубликована в Великобритании издательством Routledge Press в марте 1944 года, а затем тиражом в 2000 экземпляров в издательстве Чикагского университета. В сентябре 1944 г. журнал Reader's Digest продал более миллиона экземпляров дайджестов книги. После этого Хайек в буквальном смысле слова в одночасье проснулся знаменитым. Такой ошеломляющий успех был приятной неожиданностью не только для него самого, но и издателя.

На русском языке книга была издана в 1983 году в Лондоне в издательстве «Нина Карсов». До более или менее широкого российского читателя «Дорога к рабству» дошла спустя почти полвека после американского издания, когда журнал «Вопросы философии» опубликовал ее в нескольких номерах в 1990—1991 гг. Помню, как мы, аспиранты из разных академических институтов, передавали друг другу потрепанные номера журнала «Вопросы философии» в общежитии АН СССР на улице Островитянова. Тогда нам казалось, что эта книга дает ответы на все наболевшие вопросы. Можно только представить, какое впечатление она произвела на первых читателей в мире, разрушенном и разделенном Второй мировой войной. Недавно с некоторым трепетом открыла и перечитала эту книгу. Меня волновала новая встреча с произведением, которое произвело на меня такое сильное впечатление четверть века назад. Ведь очарование многих нелиберальных сочинений исчезло после того, как их идеи были воплощены в России в шоковом варианте. Удивительное дело, даже переболев нелиберализмом, как детской болезнью, я и сейчас не могу не согласиться с некоторыми мыслями из «Дороги к рабству». Хотя с основными выводами и рекомендациями, которые автор делает из них, я теперь не согласна. Позже остановлюсь на этом подробнее.

В предисловии Хайек делает несколько важных признаний. Первое: «когда человек, профессионально занимающийся изучением общественных проблем, выпускает книгу чисто политического характера, первейшая его обязанность – прямо об этом заявить. Настоящая книга – политического характера, и я не хочу маскировать этого...». Второе признание гораздо серьезнее. В предисловии к изданию 1976 года он пишет: «Главный изъян этой книги, как я теперь думаю, заключался в том, что я недостаточно подчеркнул значение коммунистического опыта в России. Ошибка эта, возможно, простительна, если вспомнить, что когда я ее писал, Россия была нашим военным союзником, да и сам я тогда еще не полностью освободился от всех широко бытовавших в то время интервенционистских предрассудков, и поэтому пошел на некоторые уступки, которые теперь считаю неоправданными». И, наконец, он делает ворчливое признание: «Меня долгое время возмущало, что своей известностью я гораздо больше обязан тому, что я считал лишь злободневным памфлетом, чем строго научным трудам» [53, с. 9, 15—16].

На самом деле, это далеко не кокетство знаменитого ученого, а констатация достаточно унижительной для него ситуации. Вспомним лишь два характерных эпизода. Первый связан с ситуацией вокруг присуждения ему Нобелевской премии по экономике. Тогда бочка шведского меда была изрядно подпорчена большой ложкой дегтя. По словам Джима Пауэлла, «члены комитета по выдвижению Нобелевской премии изначально хотели присудить ее шведскому социалисту Гуннару Мюрдалю, но решили, что лучше поступить более сбалансировано и разделить награду с кем-то, кто придерживается противоположных взглядов. Они остановились на Хайеке» [193].

Оргкомитет премии довольно остроумно обыграл этот неловкий момент. В пресс-релизе «Экономическая премия за работы по экономической теории и междисциплинарным исследованиям» от 9 октября 1974 г. указывается, что Мюрдаль стремился связать экономический анализ с социальными, демографическими и институциональными условиями. Хайек расширил сферу своей деятельности, включив в нее такие элементы, как правовые рамки экономических систем и поведение индивидов, организаций и различных социальных систем. Общим между Мюрдалем и Хайеком является хорошо известная способность находить новые и оригинальные способы постановки вопросов, что часто делает их несколько спорными [194]. Отметим в скобках, что экономические взгляды Мюрдаля предвосхищали выводы Кейнса. Так, его биограф Уильям Барбер, комментируя книгу «Денежная экономика», опубликованную в 1932 году, или на четыре года раньше «Общей теории занятости, процента и денег» Кейнса, считал, что если бы его работа была доступна читателям на английском языке до 1936 года, возможно, «революцию» в макроэкономической теории в эпоху депрессии называли бы «мюрдалианской»

в той же степени, что и «кейнсианской» [77]. Таким образом, компаньоном Хайека по Нобелю оказался теоретик столь ненавистного ему государственного вмешательства в экономику.

Символично то, что Мюрдаль и Хайек опубликовали книги «Американская дилемма» и «Дорога к рабству» в одном и том же 1944 году. В то время, как Мюрдаль рассматривал долгосрочные социально-экономические последствия рабства в Америке, Хайек употребил понятие рабства как фигуру речи. Можно только гадать, почему ни одна работа Хайека не была названа в пресс-релизе, а оргкомитет ограничился лишь туманным комплиментом: «Идеи Хайека и его компетентный анализ экономических систем были опубликованы в ряде работ в течение сороковых и пятидесятых годов» [194]. Обращает на себя внимание и то, что премия присуждалась в 1974 году, а отмечались его работы 1940-1950-х гг.

Во вступлении к провокационному интервью с Хайеком в 1977 году, Томас Хазлетт объясняет этот кажущийся парадокс в довольно язвительной манере. Он пишет: «не секрет, что в профессии экономиста Хайек был изгоем, атаквизмом, маргинальным персонажем, чьи идеи были опровергнуты всеми разумными людьми в научных журналах его времени. Он был достаточно умен, чтобы держаться подальше от экономики... В 1930-1940-х гг. Хайек был вторым самым известным экономистом на планете, как интеллектуальный спарринг-партнер Джона Мейнарда Кейнса. После смерти Кейнса в 1945 году Хайек (и классическая теория торгового цикла) быстро исчезли из поля зрения общественности... Экономическая политика вступила в золотой век „управления спросом“, при котором деловой цикл устарел, и Хайек вообще ушел из экономической теории... Он внес большой вклад в такие новые [для него] области, как психология, политическая теория и право». Хазлетт иронически описывает возвращение Хайека на сцену. «Но затем случилось нечто странное. В конце XX века произошла проверка на практике академических писаний. Традиционная кейнсианская терапия – стимулирование потребления и наказание сбережений наряду со здоровым вливанием расходов государственного бюджета – перестала работать. Вдруг старая классическая медицина – сбережения, инвестиции, сбалансированные бюджеты, конкуренция и рост производительности – стали популярными целями экономической политики „хорошего“ правительства. В 1974 году Хайек, который отсутствовал в экономической профессии, по сути, 30 лет, был неожиданно награжден Нобелевской премией по экономике и быстро превратился из шута в гуру» [140].

Однако злключения с премией не закончились унижительным сравнением с маститым Мюрдалем. Не кто иной как его нобелевский партнер написал открытое письмо, опубликованное в шведской газете *Dagens Nyheter*, в котором призывал отменить Нобелевскую премию по экономике на том основании, что «экономика является «мягкой», то есть неточной наукой (soft science), нагруженной политическими и социальными ценностями, в отличие от «твердых» наук («hard» sciences), таких как физика и химия, где никого не интересуют политические взгляды получателя». Вдобавок Мюрдаль предлагал отменить премию еще и потому, что она была вручена таким «реакционерам, как Хайек (а затем и Фридман)» [177].

Второй эпизод связан с переездом Хайека в США. Чикагский университет был очевидным выбором, поскольку там была опубликована «Дорога к рабству», но экономический факультет отказался принять его в свои ряды. Университеты Принстона и Стэнфорда также отказали. После года преподавания в Университете Арканзаса, Джон У. Неф, председатель комитета Чикагского университета по социальной мысли, пригласил его на должность профессора социальных и нравственных наук, однако, при условии, что Чикагский университет не будет платить ему жалованье. Фонд Волкера и здесь пришел на выручку и согласился выплачивать зарплату [193].

Однако вернемся к «Дороге к рабству». По мнению Й. Хюльсманна, секрет успеха книги связан с тем, что Хайек не выдвинул никаких новых аргументов, а представил наиболее красноречивое и изощренное изложение позиции, которая до войны уже получила широкое признание американской общественности. Главный аргумент «Дороги к рабству» заключался

в том, что увеличение полномочий правительства было равносильно уменьшению суверенитета отдельных граждан, и тотальный государственный контроль превратил граждан в рабов – независимо от того, было ли тоталитарное государство фашистским или коммунистическим [144].

Возможно, «Дорога к рабству» была самым понятным произведением Хайека потому, что написана в жанре политического памфлета в полемике с «социалистами всех партий», которым он и посвятил книгу. Джеральд О'Дрисколл пишет, что «книга была написана, чтобы объяснить грамотному, но непрофессиональному читателю, что дорога к политическому аду проложена с наилучшими намерениями. Как он ясно дал понять, конфликт классического либерализма с централизованным планированием был не из-за разделяемой ими цели повышения благосостояния как можно большего числа людей, а из-за пути достижения этой цели» [183].

В «Дороге к рабству» Хайек рассматривает два понятия свободы – либеральное и социалистическое (марксистское). «Для великих апостолов политической свободы слово это означало свободу от принуждения, от человеческого произвола, избавление от пут, не оставлявших человеку иного выбора, как подчиняться приказам власти имущих. Обещанная же новая свобода была свободой от необходимости, избавлением от пут внешних обстоятельств, которые неизбежно ограничивают возможности выбора для всех нас». Он отмечает, что «обещание большей свободы стало эффективнейшим оружием социалистической пропаганды», и раскрывает главную интригу своей книги, утверждая, что обещанный «путь к свободе есть в действительности столбовая дорога к рабству» [53, с.42]. Все дальнейшее изложение является попыткой доказать этот тезис.

Он рассматривает два понимания социализма. С одной стороны, «идеалы социальной справедливости, большего равенства и уверенности в завтрашнем дне, то есть конечные цели социализма». С другой – «конкретные методы» достижения этих целей. Вполне понятно, что Хайек категорически не приемлет ни идеалы, ни методы социализма. Особую неприязнь у него вызывает то, что «энтузиасты планового общества» «требуют централизованного руководства всей экономической деятельностью в соответствии с единым планом, который указывал бы, как общественные ресурсы должны быть „сознательно направлены“ вполне определенным образом на службу вполне конкретным, заранее поставленным целям» [53, с. 51—53]. Еще одним аргументом против централизованного планирования является утверждение о неспособности единого планирующего органа справиться с потоком рыночной информации [53, с.104]. Здесь он снова возвращается к злополучной дискуссии об экономическом расчёте в социалистической экономике, тщетно пытаясь доказать техническую невозможность централизованного планирования.

Однако решающим доводом Хайека против социалистического планирования является то, что оно угрожает свободе, поскольку все решения за человека будут принимать плановые органы. Отсюда он делает весьма натянутый вывод, что «планирование ведет к диктатуре, ибо диктатура есть наиболее эффективное орудие насилия и принудительного насаждения обязательств для всех идеалов, без которого нельзя обойтись, если проводить в жизнь централизованное планирование в широких масштабах». Вместе с тем он утверждает, что «если демократия решается взяться за задачу, реализация которой по необходимости влечет за собой использование власти, не ограниченной никакими твердо установленными рамками, она неизбежно превращается в деспотию» [53, с. 74, 89]. Получается, что не только планирование ведет к диктатуре, но и демократия ведет к деспотии. Как говорится в русской пословице, хрен редьки не слаще! Возникает вопрос: почему вдруг неолибералы отступают от важнейшего принципа политической свободы? Ответ достаточно прост: и сами неолибералы, и их покровители всегда были в меньшинстве и, следовательно, им претит диктат большинства, т.е. народа, даже в такой урезанной форме, как буржуазная демократия.

Хайек неминуемо приходит к проблеме соотношения собственности и власти в условиях рыночной и плановой экономики. «Власть, даваемая контролем над производством и ценами, почти безгранична... В управляемой сверху экономике, где цели контролируются правительством, это последнее, несомненно, будет своей властью способствовать реализации одних целей и мешать осуществлению других». Он отмечает, что «на деле это новый вид власти, которым в конкурентном обществе не обладает никто. Пока собственность раздроблена между множеством владельцев, ни один из них не обладает исключительной властью определять размер личных доходов и общественное положение отдельных граждан – вся его власть над людьми состоит лишь в том, что он может предложить им лучшие условия, чем кто-либо другой». Отсюда он делает достаточно спорный вывод о том, что «система частной собственности – важнейшая гарантия свободы не только для владельцев собственности, но и для тех, у кого ее нет. Только благодаря тому, что контроль над средствами производства распределен между множеством независимых друг от друга людей, никто не имеет над нами абсолютной власти, и мы сами можем решать, чем мы будем заниматься. Если же все средства производства окажутся в одних руках, то их владелец – будь то номинальное „общество“ или диктатор – получит над нами неограниченную власть» [53, с. 111, 122].

Вооружив своих читателей либеральными азбучными истинами, Хайек приступает к атаке на «гарантии материальной обеспеченности» и заканчивает свои рассуждения моральной сентенцией: «Необходимо вновь научиться без страха признавать, что за свободу надо платить и что мы как личности должны быть готовы для сохранения свободы идти на серьезные материальные жертвы». [53, с. 140—141, 152]. Лично мне эта мораль достаточно близка. Еще до того, как прочитала «Дорогу к рабству», я следовала своему свободному выбору и не сетовала, когда мне приходилось платить, подчас очень высокую цену за верность своим идеалам или потакание собственным амбициям. Однако в прошедшие годы я была свидетелем того, что огромные массы людей были вынуждены платить страшную цену за выбор, который сделали за них безответственные политики либерального толка.

Книга «Политический порядок свободных людей» опубликована в 1979 году и переведена на русский язык под невыразительным названием «Общество свободных». Хайек, теперь уже увенчанный нобелевскими лаврами, продолжает наступление на социализм и... демократию. В книге он очерчивает «конституционную рамку, которая могла бы обеспечить правление закона и предотвратить перерождение общества свободных в общество рабов». Он «предлагает конституционную систему, подчиняющую правительство закону и лишаящее административную власть парламента возможности служить интересам отдельных групп и подавлять меньшинства» [54, с.15—16].

В первой главе «Мнение большинства и современная демократия» Хайек с места в карьер атакует демократическую систему. «...Мы настолько привыкли считать демократической господствующую теперь на Западе систему институтов, при которой парламент большинством голосов устанавливает законы и направляет деятельность правительства, что склонны видеть в ней единственно возможную форму демократии». Ценность демократии для него заключается лишь в том, что она представляет собой «конвенцию, обеспечивающую мирную передачу власти» [54, с. 24—25.]. По его мнению, после выполнения своей миссии по смене правящего режима демократия начинает постепенно вырождаться. «В свой начальный героический период демократия выступает как инструмент защиты личной свободы граждан – и действительно осуществляет эту функцию, поскольку ограничивает себя законом. Но рано или поздно она начинает претендовать на право решать большинством голосов вообще любой вопрос» [54, с. 12, 20]. Очевидно, что демократическая процедура не устраивает его потому, что решения принимаются большинством, а не кучкой посвященных.

Интересным и в то же время знаковым поворотом в отношении Хайека к государству является его заявление: «Мы не разделяем идеи „минималистского государства“. По нашему

мнению, в развитом обществе государственный аппарат должен с помощью налоговой системы создавать фонды, нужные для таких общественных служб, которых вообще (или должным образом) не может предоставить обществу рынок». Далее он очерчивает «широкий круг тех абсолютно законных действий, которые правительство как распорядитель общественных ресурсов может предпринимать на совершенно законных основаниях». Он осторожно отмечает: «В ряде случаев рынок справляется со своей организующей ролью только в некоторых областях человеческой деятельности». К таким случаям он, в первую очередь, относит внешние эффекты. В другую группу он включает отдельные категории общественных благ [54, с. 74—75, 77]. При этом, он, по сути дела, обосновывает необходимость приватизации производства общественных благ. «Если правительство располагает исключительным правом на принуждение, это означает, что часто только оно в состоянии обеспечить определенные службы на основе принудительного налогообложения. Однако же право на обеспечение таких служб не должно быть, вообще говоря, закреплено за правительством, если могут быть найдены другие способы их организации». Он предупреждает: «то, что мы обычно называем общественным сектором, не должно интерпретироваться как набор функций и услуг, зарезервированных за правительством» [54, с.81]. Тем не менее, он очень неохотно допускает, что правительство может играть какую-то, пусть и сильно ограниченную роль в предоставлении социальных услуг. «Хотя правительство должно вступать в игру лишь тогда, когда рынок не в состоянии снабдить общество той или иной необходимой службой, мобилизация средств для этой службы при помощи принудительной власти правительства есть часто не единственный и не лучший выход» [54, с.84].

Хайек признает, что помимо смягчения провалов рынка существует необходимость «второй безусловной задачи правительства в „минималистском“ государстве – защиты от внешнего врага». Приятным сюрпризом является смягчение его позиции по отношению к социальной защите населения. Видимо с возрастом он стал более сентиментален. Хотя и здесь он остается верен себе и замечает. «К несчастью, стремление предоставить единообразное минимальное обеспечение всем тем, кто не в состоянии позаботиться о себе сам, оказалось тесно связано с совершенно иной целью, а именно с так называемым справедливым распределением доходов, что, как мы видели, оборачивается попытками гарантировать индивиду тот жизненный уровень, которого он однажды достиг. Такая гарантия есть, в сущности, привилегия, ибо ее невозможно предоставить всем, а значит, шансы обойденных уменьшаются за счет привилегированных. Если же нужные для этого средства добываются с помощью налогообложения, то это даже оборачивается возрастанием неравенства выше уровня, необходимого для нормального функционирования рынка» [54, с.91—92]. Здесь можно согласиться с ним, что, например, пожизненные привилегии сенаторам, депутатам, а также «золотые парашюты» менеджерам обанкротившихся компаний противоречат не только рыночным, но и социалистическим принципам.

После вышеуказанных «уступок» правительству, т.е. милостивого разрешения продолжать осуществление трех важных функций, Хайек хочет взамен отобрать у него две существенные функции. «Имеются две очень важные сферы услуг, которые были монополией (или прерогативой) правительств так долго, что теперь этот порядок рассматривается как необходимый и естественный, хотя ни установить его законным путем, ни ликвидировать никто никогда не пытался. Это – исключительное право правительства на эмиссию денег и на почтовые услуги. Обе эти монополии возникли не для удобства народа, а лишь для укрепления власти правительства» [54, с.94]. Думается, что приватизация почты пристегнута к приватизации печатного станка для того, чтобы как-то смягчить одиозность идеи частных денег.

Далее мы наблюдаем дальнейший отход Хайека от классического либерализма. В главе IV «Правительство и рынок» он неожиданно подвергает критике модель совершенной конкуренции и заявляет, что «модель совершенной конкуренции предполагает наличие условий, кото-

рые отмечены лишь в незначительном числе секторов экономики, тогда как во многих других секторах они абсолютно невозможны, а в третьих – даже и нежелательны» [54, с.105].

Цель развенчания модели совершенной конкуренции вполне понятна. В то время, когда Хайек писал эту книгу, о конкурентном рынке мог мечтать только фанатик, заточенный в башне из слоновой кости. Нужно было как-то актуализировать неолиберальную теорию и немного приблизить ее к реальной действительности. Другая цель менее очевидна. Она связана с необходимостью оправдания монополий, что может поставить в тупик или по крайней мере сильно удивить либерально настроенного читателя, поскольку в корне противоречит рыночным постулатам Адама Смита. «Мысль о том, что величина фирмы сама по себе дает ей пагубную власть над рыночным поведением конкурентов, правдоподобна лишь до тех пор, пока мы представляем себе производство состоящим из «чистых» отраслей, в которых и в самом деле иногда находится место только для одной большой специализированной фирмы. Но рост гигантских корпораций лишил смысла представление об отдельных отраслях, в каждой из которых могла бы господствовать одна мощная корпорация... В результате власть, вытекающая из размеров больших корпораций в данной отрасли, нейтрализуется фактом наличия больших корпораций в других отраслях...». И венец неолиберальной мысли: «Пока концентрация материальных ресурсов ведет к удешевлению и улучшению товаров и услуг, увеличение такого рода власти следует считать благоприятным» [54, с. 123—124, 126].

Вина за несовершенное функционирование рынка и отсутствие конкуренции отныне будет сваливаться на правительство. «На практике во многих сферах экономики сознательная политика правительства мешает конкуренции достичь того, чего она достигает там, где оперирует свободно». Вместо монополии на скамью подсудимых отправляется... демократия. «Я сомневаюсь, чтобы свободный рынок когда-либо возникал в условиях неограниченной демократии, и нет ничего невероятного в допущении, что неограниченная демократия всегда разрушает рынок там, где он уже существует» [54, с.188—121]. Здесь мы видим полный и окончательный разрыв с идеалами старого доброго либерализма. Третьим врагом свободного рынка традиционно назначаются профсоюзы. «Работу стихийных рыночных сил все больше подавляют не монополии, как принято думать, а вездесущие профессиональные ассоциации и профсоюзы. Именно они, оказывая давление на правительство, формируют рынок в своих интересах» [54, с.137].

Книга Хайека *The fatal conceit. The Errors of Socialism*, а в русском издании «Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма» является последним и самым трудным для пониманияopusом. Когда она была впервые издана в 1988 году, основоположнику неолиберализма было почти 90 лет. С одной стороны, впечатляет, а с другой – ставит все на свои места внушительный список спонсоров данного издания. К нему приложили руку и кошелек такие столпы неолиберализма, как Гуверовский институт войны, революции и мира, Станфордский университет, Институт Катона, Фонд Эрхарда, Херитидж Фаундейшн, благотворительный фонд Чарльза Коха и многие другие.

У. Бартли, редактор его собрания сочинений пишет в предисловии: «Хайек, посвятивший жизнь борьбе с социализмом во всевозможных его проявлениях, вознамерился выложить на стол все карты» [55, с.7]. Если он и выложил карты на стол, то весьма оригинальным образом. Больше всего текст этой книги напоминает трилогию «Властелин колец» Джона Рональда Толкиена, поскольку Хайек вдруг заговорил на непонятном языке подобно тому, как герои Толкиена, люди и сказочные существа Средиземья, говорили по-эльфийски. Брайан Каплан пишет о его творчестве: «Из его действительно оригинальных, настоящих идей можно сделать пять хороших постов в блоге, его ошибки и странные навязчивые идеи многочисленны, а стиль письма оскорбляет любого, кто когда-либо пытался написать достойную фразу... В какой-то степени Хайек пишет закодировано» [89]. Конечно, это дружеская шутка, но с изрядной долей правды. Хайека очень трудно читать, особенно, его последние труды.

В книге он вводит такие новые понятия, как «спонтанный расширенный человеческий порядок», «рассеянное знание» и «индивидуализированная собственность». Если последний термин легко поддается расшифровке и означает столь любезную сердцу каждого неолиберала частную собственность, то о значении первых двух ребусов можно догадаться только по дальнейшему контексту. «Суть моих рассуждений, таким образом, состоит в следующем. Конфликт между сторонниками (с одной стороны) спонтанного расширенного человеческого порядка, создаваемого рыночной конкуренцией, и теми (с другой стороны), кто выступает за сознательную организацию человеческих взаимоотношений центральной властью, опирающейся на коллективное распоряжение имеющимися ресурсами, вытекает из фактической ошибки последних в понимании того, как возникают и используются знания об этих ресурсах» [55, с.16—17]. Коль скоро он противопоставляет его централизованному управлению, то «спонтанный расширенный человеческий порядок» может быть только рынком. Таким образом, Хайек произвел, как сейчас модно говорить, ребрендинг основных категорий неолиберализма.

Эта логическая уловка была произведена для того, чтобы доказать вечный стихийный характер данных категорий и вывести их за временные рамки капитализма. Так, он указывает, что «наши ценности и институты не просто определяются какими-то прошлыми событиями, но формируются как составная часть процесса бессознательной самоорганизации некоей структуры или модели» [55, с.20]. В этой новой внеисторической реальности государству отводится определенная, узко ограниченная роль. «...Еще ни одна развитая цивилизация не добивалась успехов без правительства, видящего главную свою цель в попечениях о частной собственности, тогда как „сильное“ правительство вновь и вновь тормозило рост и процветание того, чему так помогали эти попечения» [55, с.59].

Конечно же, Хайек не может не вернуться к вопросу о централизованно управляемой экономике и сделать сравнение не в ее пользу. «...Следуя спонтанно складывающимся нравственным традициям, лежащим в основе конкурентного рыночного порядка..., мы производим и накапливаем больше знаний и богатства, чем возможно добыть и использовать в централизованно управляемой экономике, приверженцы коей претендуют на строгое следование „разуму“. Таким образом, цели социализма фактически недостижимы, и программы его невыполнимы; к тому же оказывается, что в действительности они несостоятельны еще и логически» [55, с.17]. Таким образом, получается, что нужно действовать вслепую, положившись на стихию рынка, а не на силу разума. «На рынке (как и в других институтах нашего расширенного порядка) непреднамеренные следствия имеют первостепенное значение: распределение ресурсов производится безличным процессом, в ходе которого индивиды, действующие в своих собственных целях (зачастую довольно расплывчатых), без преувеличения, не знают и не могут знать, каков же будет конечный результат их взаимодействий» [55, с.125].

По Хайеку, процесс получения и накопления знаний в экономической системе может быть только бессознательным, итеративным и безличным. «Приспособление к неизвестному – ключевой момент для всей эволюции, – и полной картины событий, к которым постоянно приспособливается современный рыночный порядок, в действительности не видит никто. Информация, используемая индивидами или организациями для приспособления к неизвестному, может быть только частичной и передается сигналами (т. е. ценами) по длинным цепочкам от индивида к индивиду, причем каждый передает комбинацию потоков абстрактных рыночных сигналов в несколько измененном виде. Тем не менее, с помощью этих частичных и фрагментарных сигналов к условиям, которых ни один отдельный человек не в состоянии предвидеть или знать, приспособливается структура деятельности в целом (пусть даже такое приспособление не бывает вполне совершенным). Вот почему выживает эта структура, а те, кто ее используют, еще и процветают. Сознательно спланированной замены такому самоподходящему процессу приспособления к неизвестному быть не может» [55, с.133—134].

По этой абсурдной логике получается, что главное преимущество либеральной системы заключается в том, что как индивиды, так и правительство действуют вслепую и совершенно случайно достигают результатов, которые они не ставили своей целью. Странный сюрреалистический мир! Индивиды и хозяйствующие субъекты могут приспособливаться и встраиваться в спонтанный порядок только вслепую. Таким образом, они ничем не отличаются от первобытных людей, брошенных на произвол природных стихий, миллионы лет эволюции ничего не изменили в их положении. Получается довольно безрадостная картина потому, что индивид не может воспользоваться сокровищницей накопленного человечеством знания, ибо оно рассредоточено и не существует в концентрированном виде. Каждый раз совершая какое-либо действие он должен, как первый человек Адам после изгнания из рая, полагаться только на те крупинки неосознанного знания, которые хаотически всплывают в подсознании. Его положение безнадежнее, чем у перелетных птиц или лососей, которые безошибочно возвращаются в места зимовки или нереста, повинувшись древнему могучему инстинкту, как генетически встроенному навигатору. Слабым утешением служит и то, что не только простые смертные, но и «капиталисты ... на деле и сами являются орудиями безличного процесса: что им точно так же неизвестны предназначение и конечные следствия их действий, что они просто имеют дело с событиями более высокого уровня (и, соответственно, более широкого охвата) в рамках целостной структуры» [55, с.145].

Оказывается, все не так безнадежно! Существует все-таки хранилище этого знания и, конечно, это рынок. «Рынок – это единственный доступный способ получать информацию, позволяющую индивидам судить о сравнительных преимуществах того или иного употребления ресурсов, о которых у них имеется непосредственное знание и, используя которые они, независимо от своих намерений, служат потребностям далеких, не знакомых им людей. Рассеянность этого знания представляет собой его сущностную характеристику, и его невозможно собрать вместе и вручить властям, вменив им в обязанность создание продуманного порядка» [55, с.136].

В дальнейшем становится ясно, зачем Хайек придумал неуклюжую конструкцию «спонтанный расширенный человеческий порядок». Естественно, для того, чтобы нанести смертельный удар или уже контрольный выстрел по социализму, поскольку, как он торжествующе заметил, уже «стал очевиден экономический провал восточноевропейского социализма» [55, с. 148—149]. Он видит историческое преимущество капитализма, пардон, спонтанного порядка, в способности обработки рассеянной информации. «Выгоды от этих рыночных механизмов настолько превосходили любые ожидания, что объяснить их действие можно было только ретроспективно, анализируя сам процесс их спонтанного формирования. И, когда это было сделано, обнаружилось, что децентрализованный контроль над ресурсами, контроль посредством индивидуализированной собственности, приводит к выработке и использованию большего количества информации, чем это возможно при централизованном управлении» [55, с.151].

В заключение Хайек применяет свой новый концептуальный инструментарий к социальной проблематике. Он делает очередное чистосердечное признание, что «принимаясь за работу над книгой, я дал себе зарок никогда не употреблять слов „общество“ (society) или „социальный“ (social)». В мире вечных спонтанных ценностей такая мелочь, как социальная справедливость выглядит сущей нелепицей, суетой сует. «Вся идея распределительной справедливости – каждый индивид должен получать соответственно своему нравственному достоинству – при расширенном порядке человеческого сотрудничества (или каталлаксии) бессмысленна, поскольку размеры имеющегося продукта (и даже его наличие) обусловлены, в общем-то, нравственно нейтральным способом распределения его частей... Любая расширенная система сотрудничества должна постоянно приспособливаться к изменениям внешней среды (включая

жизнь, здоровье и физическую силу сотрудничающих); и смешно требовать, чтобы происходили изменения исключительно со справедливыми последствиями» [55, с. 189, 203—204].

2.5. Русофобская ветвь неолиберализма

*Умом – Россию не понять,
Аришном общим не измерить.
У ней особенная стать —
В Россию можно только верить.
Федор Тютчев (1866)*

Свой краткий экскурс в историю неолиберальной доктрины завершаю обзором труда Ричарда Пайпса «Собственность и свобода». Строго говоря, Пайпс – не экономист, а историк, сделавший себя имя и карьеру на оголтелой русофобии. Однако его последний крупный опус представляет ревизию экономической истории собственности с неолиберальных позиций. Причем, будучи историком, он сделал это гораздо более обстоятельно и научно, чем профессиональные неолиберальные экономисты. Признаться, я прочитала эту книгу с интересом. Биография Пайпса типична для неолиберала и по-своему примечательна. Он родился в 1923 году в Цешине (Польша); умер в 2018 году в Кембридже. В 1939 году его семья бежала из оккупированной нацистами Польши в США. В 1950 году он защитил диссертацию в Гарвардском университете. Диссертация, посвященная теории большевизма, стала основой первой книги «Формирование Советского Союза: коммунизм и национализм, 1917—1923» (1954).

Параллельно с типично академической биографией развивалась довольно успешная политическая карьера. Наибольшую известность на политическом поле Пайпс снискал, как руководитель «Команды Б», созданной вновь назначенным директором ЦРУ Джорджем Бушем по указанию президента Джеральда Форда. Как он пишет в «Мемуарах непримкнувшего», «подоплека дела состояла в следующем: уже некоторое время мнения разведывательного сообщества расходились по поводу цели ядерного строительства в СССР в 1970-е гг., а именно – создания новых поколений как стратегических, так и тактических ракет. В соответствии с доктриной гарантированного взаимного уничтожения (ГВУ), признаваемой аксиомой как учеными, так и разведкой, ядерное оружие не имело практической пользы и служило только для сдерживания ядерной угрозы. Совершенно секретный меморандум ЦРУ в апреле 1972 г. под заголовком „Советская оборонная политика в 1962—1972 гг.“ утверждал, что советское руководство также разделяет взгляды этой доктрины, хотя ни одного аргумента в защиту этого тезиса приведено не было... Следовательно, как только был достигнут уровень сдерживания, достаточный, по оценке министра обороны Роберта Макнамары, для уничтожения 25 процентов населения и 50 процентов промышленности агрессора, дальнейшее развертывание вооружений было бы не только бесполезным, но опасно провокационным» [41, с.212—213].

Был проведен «эксперимент в виде „конкурентного анализа“, в ходе которого шесть групп экспертов – три из ЦРУ (команда А) и три, сформированные из независимых экспертов (команда Б), – должны были независимо друг от друга оценить информацию по трем направлениям, которые вызвали наибольшую тревогу и были спорными аспектами советских военных усилий: противовоздушная оборона, точность ракет и стратегические цели» [41, с.214—215]. Итоговый доклад «Команды Б», представленный в декабре 1976 г., состоял из трех частей. В первой части, подготовленной самим Пайпсом, «предыдущие стратегические оценки ЦРУ были подвергнуты методологической критике». Вторая часть состояла из анализа десяти советских систем вооружения. Последняя часть содержала выводы и рекомендации. «Общий вывод заключался в том, что оценки ЦРУ „существенно исказили мотивацию советских стра-

тегических программ“ и как следствие „имели последовательную тенденцию недооценивать их интенсивность, размах и скрытую угрозу“» [41, с.218].

Примечательно, что такой поворот вызвал обеспокоенность и критику не только со стороны ЦРУ, которое отстаивало честь мундира, но и Особого комитета по разведке Сената США. Последний подготовил доклад, в котором, по словам самого Пайпса, «обвинял Команду Б в превышении полномочий, утверждал, что она не использовала „сырую информацию“, „сговорилась“ с Президентским консультативным советом по внешней разведке о подборе персонала и о выводах и даже – что сделала выводы до начала своей работы». Пайпс пишет, что «Киссинджер отверг доклад Команды Б как „стремящийся саботировать новый договор по ограничению вооружений“ и призвал к „рациональной дискуссии по вопросу о ядерной стратегии“, подразумевая, видимо, такую дискуссию, которая подтвердила бы его собственную точку зрения, согласно которой иррациональным было стремление к ядерному превосходству» [41, с.221—223]. После того как холодная война закончилась, ЦРУ провело проверку результатов работы «Команды Б». Все они оказались ошибочными. В первую очередь, это касалось кардинальных расхождений с действительностью количества бомбардировщиков и ядерных ракет. Более того, уже после краха СССР, оценка Командой Б советских военных расходов в 12—13% ВВП была признана абсурдно завышенной самими же американцами [57, с. 8—9].

Не удивительно, что вскоре после победы Рейгана на выборах Пайпс был назначен на пост главы восточно-европейского и советского отдела при Совете по национальной безопасности. Квинтэссенция крестового похода против СССР была изложена Пайпсом в докладе о принципах американской политики в отношении СССР, где он выдвинул четыре основных тезиса:

1. «Коммунизм по своей сути – учение экспансионистское. Его экспансионизм спадет, если только система рухнет или, по крайней мере, подвергнется глубокому реформированию».

2. «Сталинистская модель... в настоящее время стоит на пороге глубокого кризиса, вызванного хроническими экономическими неудачами и трудностями в результате чрезмерной экспансии».

3. «Наследники Брежнева и его сталинистские аппаратчики со временем, вероятно, расколются на фракции „консерваторов“ и „реформаторов“, причем последние будут добиваться определенной политической и экономической демократизации».

4. «В интересах Соединенных Штатов способствовать развитию реформистских тенденций в СССР путем двоякой стратегии: поддерживать реформаторские силы внутри СССР и поднимать цену, которую Советский Союз должен будет заплатить за свой империализм» [41, с.312].

С известной долей самодовольства он пишет, что в советской «антиамериканской пропаганде того периода я занимал особое место как фигура сатанинская и мое имя стало широко известно. Я не испытывал ничего, кроме гордости, оттого что вызывал столько враждебности и, возможно, обеспокоенности у таких людей» [41, с.236]. Таким образом, Пайпс оказался большим ястребом, чем Министр обороны США Макнамара, Директор ЦРУ Буш, более лютым недругом СССР, чем Киссинджер и Бжезинский. Дело в том, что он был не просто антисоветчиком, а русофобом. Разница между ними состоит в том, что ненависть антисоветчика более рациональна, она проистекает из идеологических посылок и исходит из неприятия коммунистической теории и практики. Эта ненависть была направлена на Советский Союз, как воплощение коммунизма. Вместе с распадом СССР исчезла и почва для этого. Ненависть русофоба иррациональная, генетико-зоологическая. Они ненавидели не только СССР, но и Россию, русский народ, сам русский дух. Это принципиальное различие между антисоветизмом и русофобией очень хорошо прослеживается при чтении трудов Пайпса о России, которых он написал изрядное количество.

Его книги давно вошли в ядерный арсенал советологии, равно как и в курсы социологии таких российских университетов, как Высшая школа экономики, Московская школа политических исследований и т. п. Последняя кстати, взяла на себя труд издать переводы книг Пайпса «Мемуары непримкнувшего» и «Собственность и свобода». В контексте данного исследования наибольший интерес представляет последняя книга.

В предисловии к книге «Собственность и свобода» Пайпс пишет: «Все ранее написанные мною книги... были книгами о России, прошлой и настоящей». Хотя в названии данной книги Россия не упоминается, однако, большая ее часть посвящена нашей стране. Основной посыл Пайпса выдает с головой его русофобский образ мышления, который не делает различий между СССР и Россией. Он утверждает, что «тоталитаризм, достигший своей вершины в Советском Союзе, корнями уходит в „вотчинную“ систему правления, преобладавшую на протяжении большей части российской истории, систему, которая не проводила различий между верховной властью и собственностью, позволяя царю быть одновременно и правителем, и собственником своего царства» [40, с.11].

В методологическом плане Пайпс четко разграничивает содержательный и институциональный аспекты собственности, посвящая каждому из них отдельную главу. «К исследованию собственности можно подходить двояко – рассматривать ее как понятие и как институт» [40, с.17]. Вслед за теоретиком экономики прав собственности Дугласом Нортом, Пайпс заявляет, что «Эффективная организация предполагает внедрение институциональных основ и прав собственности, побуждающих прилагать личные хозяйственные усилия к тем видам деятельности, которые сближают норму личной выгоды с нормой общественной выгоды». Следовательно, «гарантии прав собственности критически важны: экономический рост будет иметь место в том случае, когда права собственности оправдывают усилия, предпринимаемые в области общественно производительной деятельности» [40, с.90].

Лейтмотивом книги является ретроспективный анализ собственности на землю. После обширного экскурса в античные времена он подробно останавливается на сравнении систем собственности в Англии и России. Само собой разумеется, что британская система неизменно вызывает у него восхищение. Его излюбленный эпизод истории Британии – это противостояние между королем и парламентом, которое завершилось поражением монарха. «В первой половине семнадцатого века Англия пережила ряд столкновений между короной и парламентом, спорившими о соотношении своих полномочий, в особенности о праве короля вводить налоги без парламентского согласия; в 1649 году этот конфликт завершился казнью Карла I» [40, с.49].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.